

18+

Ирина Черенкова
КРАСКИ
Пелена спокойствия

Часть 1

Ирина Черенкова

**Краски. Пелена
спокойствия. Часть 1**

«Издательские решения»

Черенкова И.

Краски. Пелена спокойствия. Часть 1 / И. Черенкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989104-4

«Краски» — это роман о человеческой жизни. Это и история любви, и драма семьи, и офисная жизнь корпорации. «Краски» — это война, в первую очередь, со своими тенями и страхами, путь, необходимый каждому для роста. Это философия и лирика в одном флаконе, это мир человеческих отношений и их эволюции, глобальная работа с эмоциями и их истоками. Это помощь каждому под соусом художественного произведения. «Краски» — это терапевтический роман о людях и событиях. Но в первую очередь он о вас!

ISBN 978-5-44-989104-4

© Черенкова И.
© Издательские решения

Содержание

Пелена спокойствия	6
01	6
02	10
03	13
04	18
05	21
06	24
07	28
08	31
09	34
10	37
11	41
12	44
13	48
14	51
15	54
16	57
17	61
18	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Краски. Пелена спокойствия

Часть 1

Ирина Черенкова

Оформление обложки Иллюстрации созданы при помощи нейросети Yandex Alice AI

© Ирина Черенкова, 2026

ISBN 978-5-4498-9104-4 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-9103-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пелена спокойствия

*О, богачи! Что взять с них? Слова не сыскать!
Их бедность чувств и изобилие правил!
Изгиб запястья, взмах руки и ровная спина,
Взгляд исподлобья. И покоя пелена
Хранит их тайны и скупые нравы.*

01

За окном старенького желтого такси мелькали привычные за два года каменные джунгли Сан-Франциско: бесконечные подъемы и спуски дорог, множество трамваев, парков и мостов. Один из самых красивых городов мира изнутри оказался обычным мегаполисом со своими законами, жизнью и ценностями. Тусклое мартовское солнце то выглядывало из-за тяжелых дождевых облаков, то забиралось в них обратно, будто греться в привычную для него ватную шубу. Ветер гнал по улицам листья деревьев и немногочисленный мусор, вторя движению на заполненных прохожими субботних улицах спальных районов.

Молодой человек ехал на такси и размышлял о своей жизни, перевернувшейся вверх дном три недели назад. Нет, никто не умер, Дениэл просто уволился. Он не решил, чем конкретно хочет заниматься, но понял, что устал от ночных клубов города: за последние два года он отработал охранником в пяти из них, жонглируя однотипными малоинтеллектуальными занятиями в надежде найти в этом свое призвание. Но чудеса не случались. Один клуб был похож на другой и коллективом, и принципом работы, и, как иногда казалось Дениэлу, даже людьми, которые его посещали.

Ночные жители города напоминали ему лемуров с огромными светящимися глазами. Они приходили в подсвеченное неонем помещение с невыносимо громкой музыкой, заливали пустоту своей души выпивкой, иногда сопротивлялись миру, и их приходилось выдворять вон из элитного ночного места, но чаще сливались воедино с себе подобными и гнали волну такта по тацполу. Похожие, одинаковые, словно скопированные друг с друга.

К середине февраля он устал от клубной жизни до такой степени, что решился уйти в «никуда», несмотря на необходимость платить за съемную квартиру и кормить свое бренокое тело. Совершенно обессточенный, он три дня просто отсыпался, иногда вставая проверить пустые полки холодильника или посетить сортир, и падал обратно с тяжелой, словно после похмелья, головой. Изредка он просматривал сообщения на своем стареньком смартфоне, но позже перестал делать и это, предпочитая имитации общественной жизни откровенное одиночество и болезненный сон, больше напоминающий анабиоз. В какой-то из дней он даже не вспомнил, где его аппарат для связи с миром, который, разряженный, подстать своему хозяину, перестал тоскливо пищать, принимая однотипные сообщения и уведомления.

Выспавшись, он первым делом поставил телефон на закачку питания, а вторым — полез было на сайт вакансий, но тут желудок намекнул, что можно бы стать вторым делом и ему. Усмехнувшись жалобному урчанию из своих недр, молодой человек покинул уютный бардак холостяцкой квартиры и посетил маркет, услужливо раскинувшийся на первом этаже дома. После этого Дениэл со спокойным сердцем сел, наконец, искать себе занятие по душе, нажевывая все подряд из пакета с продуктами.

Молодой человек посчитал себя готовым к любой деятельности, лишь бы ночью спать, потому что в зеркале он уже начал видеть такого же круглоглазого лемура, боящегося дневного света, что и посетители мест его труда. Он настойчиво рассылал свое резюме на вакансии

по всем направлениям: менеджера по продажам в многочисленные магазины электроники и бытовой техники, водителя-экспедитора в торговые сети, личного шофера в крупные офисные фирмы и даже прораба на строительные объекты.

Последнее казалось ему чертовский смелым поступком, потому что ориентировался он в строительстве, мягко говоря, так себе. В Портленде был объект, где Дениэлу выпала честь проработать несколько месяцев разнорабочим, но класть кирпич и руководить проектом — немного разные занятия. Тем не менее, он решил набраться наглости и рискнуть по всем фронтам, потому как у него было всего два месяца на поиск работы. После этого он выметался на улицу за неимением средств для оплаты жилья.

Первой счастливицей получить в штат гигантского небритого мужика стала крупная строительная контора, расположившаяся недалеко от бейсбольного стадиона Сан-Франциско. В начале недели ему позвонила девушка с мягким приятным голосом и пригласила на вечер четверга в офис пообщаться с директором, которому и требовался извозчик. Но в четверг днем за пару часов до встречи она позвонила еще раз, и, смущенно извиняясь, перенесла интервью на субботу. Работа в выходные его не смутила, равно как и не смутил тот факт, что со времен получения прав на вождение автомобиля, он сидел за баранкой лишь пару раз. Однако наглость и нужда в финансах победили.

Собеседование назначили на одиннадцать утра. Несмотря на биологическое время раннего обеда, Дениэл, отвыкший от дневной жизни и трезвого социума, с трудом продрал глаза за полтора часа до встречи и долго откисал в душе, чтобы хоть как-то чувствовать себя в форме. Он прошелся по лицу триммером и убрал растительность до своего обычного состояния — легкой небритости — и, удовлетворенно хмыкнув, вышел из своей крошечной ванной в единственную комнату съемной квартиры, которая была и спальней, и столовой, и кухней одновременно.

Дальше требовалось одеться. Полное отсутствие предметов из классического гардероба не испугало претендента на вакансию. Он позаботился об этом заранее, изыскав средства на покупку белой рубашки в единственном экземпляре. Более сложная ситуация складывалась с костюмом: его рост в шесть футов пять дюймов исключал простой поход в одежный магазин — все костюмы потешно топорщились на его нестандартном теле, оказываясь либо короткими, либо широкими. В идеале, конечно, следовало бы пошить наряд на заказ, но исход собеседования больше напоминал гадание на кофейной гуще, а посему ненужные расходы являлись в его случае неоправданными.

И вот его зад в серых прокатных брюках, севших, к счастью, преотлично, проминал пассажирское сидение кукурузного цвета «Тойоты Краун Виктория» бородатого года выпуска, запах в которой смешивал в себе курево, дешевый ароматизатор и застарелый пот, создавая стойкое отвращение к работе водителя в принципе. Но игра началась, такси выезжало за пределы его района, прокладывая путь к продиктованному адресу на окраине Сан-Франциско, а значит, и пятиться назад было затеей если не труса, то, как минимум, человека не интересующегося, а Дениэл не считал себя таковым. Может, воли ему хватало и не всегда, но дури в голове и желания увидеть финиш — предостаточно.

— Двадцать три доллара, пятнадцать центов, — сообщил чернобровый индус, сидевший за рулем старенького авто.

Пока Дениэл копошился в карманах в поисках купюр, его взгляд упал на панель управления транспортом, где висела справка о водителе. «Санджит Хукри» — сообщала ламинированная в зажелченный пластик карточка, с которой смотрело строгое гладковыбритое лицо. Повезло же человеку, точно знает свое место в жизни.

Расплатившись за доставку себя, пассажир выбрался на волю, одернув полы пиджака. И тут же собрался вернуться назад, чтобы уточнить, по верному ли адресу его высадили, но желтой кареты и след простыл. Перед ним возвышались массивные кованые с раститель-

ными завитками и ажурными листьями ворота, за которыми скрывался не менее величественный двухэтажный особняк из кофейного цвета кирпича с огромными зеркальными окнами и обширным навесом над главным входом. Странная восьмигранная башня, окольцованная окнами по всему периметру, возвышалась с левого угла поместья еще на этаж, напоминая обсерваторию, но без прорези для телескопа.

Приблизившись к въезду вплотную, Дениэл заметил на металлической табличке над кнопкой домофона выгравированный адрес, в точности повторяющий тот, который продиктовал секретарь пафосного шефа во вторник. Мужчина рассмеялся, поразившись собственной наивности и дерзости. Если честно взглянуть на его персону, то тщетность попытки выбраться в люди бросалась в его зеленые глаза, и никакой костюм из-под руки мастера не спасет его от неизбежного провала.

Но он здесь, и от цели наглеца отделяет пятьдесят ярдов идеального малахитового газона частной территории, так почему бы не рискнуть? В итоге интерес поглазеть на дом богачев изнутри одержал верх над ощущением себя идиотом, и молодой человек приблизился к динамике ворот в поисках звонка.

— Представьтесь! — Гаркнул резкий мужской голос, и посетитель подкинулся от неожиданности.

— Дениэл Кентмор, я на собеседование, — доложил гость, приходя в себя.

Металлический щелчок оповестил об открытии ворот, пропуская визитера вперед к широкой мощеной дорожке, по обе стороны которой встали охранной дивизией вытянутые свечи туй. Периметр территории, обнесенный под стать ворот кованым забором высотой около десяти футов, оформился пышными кустами гортензии и сирени, закрывавшими густой листвой личную жизнь богатых обитателей от любопытных глаз.

Дениэл обратил внимание, что вся территория прослеживалась камерами наблюдения. Механические глаза с рубиновыми лампочками записи вылупились на прищельца отовсюду: с витых старинных трехплафонных граненых фонарей, стоявших вдоль дороги, с мощного забора и с углов здания. Казалось, нет ни дюйма поверхности, за которым не велось бы бдительное наблюдение. Большой брат наблюдает за тобой постоянно. Вдруг, словно в насмешку вычурным хозяевам, Дениэлу захотелось выкинуть какую-нибудь дикость, станцевать или скорчить в камеру странную мину. Он едва не расхохотался собственному ребячеству, внезапно охватившему его двадцатичетырехлетний разум, но вовремя вспомнил, зачем вообще приехал в это странное место.

Подъездная дорожка привела его к главному входу с местом высадки пассажиров, накрытым козырьком балкона на квадратных кирпичных колоннах, а сама двинулась дальше направо вдоль дома и завернула за поместье. Там располагались еще какие-то строения, предназначение которых было не столь очевидно. Вдоль кирпичной кладки фасада и темной непрозрачной стеклянной стены главного входа выстроились кадки с фикусами и миниатюрными пальмами, обрамляя тяжелые темные стены изумрудной зеленью. Окна из шоколадного пластика, некоторые приоткрытые, наблюдали за каждым его шагом темными зеркальными провалами вместе с многочисленными камерами.

Вдруг прозрачная дверь главного входа распахнулась и выпустила навстречу ему строгого и важного человека лет пятидесяти, остроногого и слегка седоватого, но в целом очень вальяжного, в отлично сидящем костюме базальтовых оттенков. Тот, презрительно оглядев Дениэла с головы до ног, направился к воротам уверенным шагом. Сначала он хотел поздороваться с первым живым человеком, встретившимся ему на подступах к замку, но потом сообразил, что это тоже претендент на место водителя, гораздо лучше вписывающийся в окружающее место. Темная зеркальная дверь в очередной раз напомнила наглецу о невероятной глупости сегодняшней затеи, отразив в себе мощного деревенского парня в чужом костюме, и впустила внутрь.

Просторная гостиная с высокими потолками раскинулась на треть крыла здания, поражающая размахом пространства. Слева от входа располагалась шикарная кухонная зона с гарнитуром темного орехового дерева и матового стекла в тон, мраморной столешницей, стойкой и большим обеденным столом на восемь персон. Гигантскую обеденную зону можно было смело фотографировать и отправлять на конкурс самой стильной кухни, казалось, даже салфетки в изящной подставке подбирались с дотошной скрупулезностью дизайнерского взгляда. Справа от входа напряг мощные черные бицепсы подлокотников широкий диванный комплекс, располагавшийся буквой «С». Темнокожий исполин подсвечивался с улицы прохладным пасмурным сиянием, распространяя надежность и благородство, а низкий журнальный столик коричневого стекла удачно составлял ему компанию. Темная мебель гостиной гармонично оттенялась миндальными матовыми стенами, увешанными тонко прорисованными холстами в гротескных рамах. Окон в помещении не наблюдалось, помимо прозрачной стены из затемненного стекла, которая изнутри позволяла без помех проследить весь двор до самых ворот.

На краю диванного комплекса закинув ногу на ногу сидела очень ухоженная стройная женщина лет тридцати пяти с темными удлиненными волосами, рассыпавшимися крупными локонами по плечам. Ее тонкие изящные черты лица с высокими скулами и чувственными губами могли смело подарить ей звание красавицы, если бы не напряженная складка между бровей, едва проглядывающая сквозь искусно наложенный на кожу тон. Ярко подведенные пепельно-бурой дымкой теней глаза теплого оливкового оттенка оторвались от книги в однотонной синей обложке с золотым теснением и вспыхнули настороженностью, встретившись с все еще улыбающимся взглядом претендента на вакансию. Женщина окинула Дениэла пристальным взглядом с головы до ног и напряглась еще больше, но все же нашла в себе силы скоординировать прищельца, не скрывая безрадостной нужды принимать подобный экспонат в своем доме.

— Добрый день! Третий этаж, дверь открыта, — произнесла она важно, взмахнув тонкой кистью с идеальным французским маникюром на подход к каменной лестнице, спрятавшийся за богатой кухней.

Она проводила гостя внимательным взглядом, пока тот не скрылся за поворотом лестничного пролета, и вернулась к чтению.

02

Мелани Траст устроилась на диване в обширной гостиной с неизменной Джейн Остин в руках, которую едва ли замечала. Эта универсальная книга всегда бралась ею в качестве ширмы: элегантная твердая обложка насыщенного сапфирового цвета с золотыми завитками прекрасно покрывала нервные моменты в доме пеленой напускного спокойствия. Тихий субботний день обещал быть активным и странным, потому что супруг с утра решил устроить невиданное — продолжать поиск водителя, несмотря на то, что на дворе начались выходные.

— Оливер, ну неужели нельзя подождать до понедельника? — Всплеснула руками женщина. — У нас же Алекса!

— При чем тут она? — Удивился хозяин поместья. — Девочка вполне себе позанимается в своей комнате, ее это вообще не коснется.

И вот теперь она сидела в гостиной, словно радар, считывая малейшие движения в доме. Дочь, Мелани это знала точно, уже проснулась и наверняка слышала бесконечные шаги незнакомых людей по лестнице мимо ее комнаты. Она молила вселенную, чтобы та не вышла на необычные звуки, иначе это могло повлечь за собой определенные проблемы.

Последний раз, когда их особняк посещали гости, приходился на девятилетний возраст Алексы, и закончился недоумением Кена и Сабрины Картеров — их с Оливером одноклассников — и личной просьбой к Дороти Льюис побыть с девочкой. Добрая кухарка, знавшая все особенности проживания их семьи, конечно же, согласилась присмотреть за ребенком, но повторных казусов миссис Траст не желала, и тут вопрос был не в дочери. Она сама оказалась не готова к общественной жизни в месте, где ради безопасности приходилось держать все под строжайшим контролем, поэтому мероприятие по приему гостей оказалось почти невыносимым выходом из зоны ее комфорта.

Теперь же Мелани смирилась с решением мужа, но напряжение, сковавшее ее тело, отдавалось в сведенных мышцах плеч и ног, до того она старалась ничего не упустить от своего внимания. С тех пор, как они с супругом смогли одновременно покинуть поместье, оставляя дочь под присмотром многочисленных камер, прошло немногим больше года. Достаточное время, чтобы ощутить потребность во втором водителе, выбор которого и происходил сегодня в башне, словно смотрины женихов.

С раннего утра в их неприкосновенное гнездо просочилось уже семь диверсантов, последний из которых обещал быть заключительным в этой эпопее по подбору шофера.

— Как же ты можешь быть уверен, что найдешь искомого сегодня? — Сязвила она накануне, пролистав личные дела каждого из претендентов.

— Выберу из того, что есть, — просто ответил супруг. — У меня нет нужды в идеальном сотруднике, мне достаточно открытой категории в его правах.

Конечно, вероятнее всего, он шутил. А если нет, то это — непростительная в ее понимании роскошь! Она согласна, водитель — не муж, его можно и сменить после испытательного срока, но ведь этому сотруднику доверялось самое ценное, что было у каждого из них — жизнь пассажиров. Беспечность Оливера в таких серьезных вопросах немного удручала ее, и Мелани приняла решение повлиять на выбор работодателя по окончании дня открытых дверей в поместье Траст.

Из семи безработных, посетивших особняк, ей приглянулся второй: мужчина возраста около пятидесяти пяти лет, но активный и поджарый, с серьезным лицом и платиновыми волосами. Он очень почтительно поприветствовал ее и плавной кошачьей походкой проскользнул в кабинет, а на выходе поблагодарил за гостеприимство. Галантный и уважительный, он источал энергию уверенности в себе и располагал к доверию. Но Оливер, очевидно, выберет четвертого посетителя — холеного наглого блондина лет тридцати, высокого и излишне стройного,

будто его вытянули вверх в графическом редакторе. Мило улыбаясь и непринужденно воркуя, он лично спустился проводить гостя до дверей и попрощался: «До скорых встреч!»

Теперь же в его обитель поднялся тяжелой медвежьей поступью совершенно кошмарный тип, высоченный, широкоплечий, с суточной щетиной на лице. Этот неотесанный булыжник не удосужился даже повязать галстук на шею, соизволив завалиться в их поместье в таком неопрятном разнузданном виде, а его лицо с квадратной челюстью и пронзительными глазами цвета армейского хаки расплывалось в опасной полуулыбке, которая бросала Мелани в дрожь одним своим наличием. Громила распространял вокруг себя ауру грубой мужской силы, не поддающейся контролю даже для своего носителя, чем воспринялся ей немногим приятней уголовника. Она передернула плечами и вернулась к книге, когда зазвонил ее телефон:

— Миссис Траст, — залепетала Молли, секретарь «Благотворительного Фонда», едва начальница сняла трубку, — «АшБиСи Холдингс» приехали полным составом, они хотят видеть всю смету и повременной план расходов. Мистер Полонски требует Вас немедленно, иначе они не видят смысла тратить субботнее время на нашу неорганизованную встречу. Более того, он сказал, что, в противном случае, не видит смысла вообще тратить на нашу компанию свое время.

Последнюю фразу секретарь произнесла шепотом, но громкости и не требовалось, информация очень хорошо легла на известный Мелани образ президента холдинга. Ответчица выдохнула и прикрыла веки, собираясь с силами. Встреча заключалась, как надеялась начальница, назначая ее на выходной день, в передаче контракта на поэтапное плановое финансирование неблагополучных семей штата Калифорния, который, как думала Мелани, заберет их представитель и покинет здание «Фонда». Но Молли перепугана донельзя, а значит дело серьезнее, чем можно предположить.

— Я буду через полчаса, Молли, займи их чем-нибудь, заверила ее миссис Траст.

Как ей удастся вырваться из поместья несанкционированно — ведь она честно сегодня отдала Оливеру право распоряжаться свободным временем — владелица «Благотворительного Фонда» не представляла, но вопрос не давал права выбора или торгов, а поэтому и обсуждению не подлежал. Женщина предупредила Альфреда, водителя их семьи, служившего полтора года верой и правдой до того, как Оливер решил завести отдельного извозчика, что сегодня ожидается незапланированная поездка в центр. Снова.

Она вспомнила, как полгода назад волей щедрой судьбы в их дом попал прекрасный водитель — Альфред Беррингтон, флегматичный равнодушный мужчина в глубоком возрасте, который за все время работы и жизни в поместье едва ли произнес больше двух сотен слов, включая рассказ о себе на собеседовании. Вот он, идеальный сотрудник, которого Мелани выбирала почти целый месяц, успев принять у себя в офисе половину жителей Сан-Франциско, имевших права. Ее семья при этом спелась в какой-то невообразимый дуэт по насмешкам и закатыванию глаз, когда, после очередного выматывающего дня собеседований, Мелани подъезжала к дому поздним вечером на такси с неизменным:

— Снова ничего.

Семья взрывалась хохотом, успокаивая хозяйку дома тем, что с такими успехами Алекса быстрее вырастет и получит права, чем мама найдет подходящего претендента на «баранку». Пока не появился он, доказавший им всем обратное.

Альфред сразу вписался в быт богатого дома, понравился замечательной Дороти Льюис, кроме того, неприятно выбрал самую крошечную комнатенку в конце коридора восточной части поместья. Странный старичок сам стирал всю свою одежду, мыл пол в комнате, чистил костюмы; он практически не отлучался из дома в свободное от службы время и не отлынивал от сверхурочной работы, чем несказанно радовал миссис Траст. Львиную долю финансов, как рассказала потом Дороти, которой удалось вывести нелюдимого водителя на очень скудный разговор, Альфред отправлял своим родным в Финикс: внучке, ухаживающей за его

сыном-инвалидом. После этой сердобольной информации Мелани по какой-то дурацкой, выдуманной из пальца причине подняла водителю заработную плату на добрую половину, чтобы помочь бедным детям, хоть тем и было по ее скромным подсчетам немногим меньше, чем ей самой.

Единственным недостатком Альфреда, который миссис Траст почти не замечала, а мистер Траст замечал и сетовал каждый раз, когда приходилось контактировать с седоволосым шофером, была абсолютная некоммуникабельность. Старичок не воспринимал текстовых сообщений, а на звонки отвечал бессловесно, просто снимая трубку и ожидая указаний. После чего мог отключить вызов и приняться исполнять задание без каких-либо внешних проявлений понимания. Этакое доброе сознательное приложение к рулю вместо личности.

Но они могут смеяться, сколько им влезет, момент истины приближался. Сдавалось ей, что смеяться последней будет все же она, потому что из того, что сегодня посетило их особняк, Мелани не взяла бы даже уборщика в «Фонд», не говоря о человеке, который каждый день будет держать в своих руках, помимо руля, еще и судьбу хозяев поместья, сидящих на задних сидениях.

Мелани снова склонилась над разбегающимися, ничего не значащими буквами родного алфавита, когда этажом выше стукнула дверь комнаты дочери.

03

Шаги Дениэла отражались гулким эхом от глянцевых ступеней с мраморными разводами в звенящей тишине дома, который не имел ничего близкого с общепринятым уютным значением этого слова. На стенах лестничных пролетов красовались картины в золоченых рамах, развешанных по стенам теплого сливочного цвета. Некоторые из них изображали пейзажи, какие-то вобрали в себя богатые убранством интерьеры или городские зарисовки, но абсолютно все имели ювелирную точность фотографии, передающей мельчайшие нюансы. Дениэл продвигался вперед, как по музею, рассматривая многочисленные красочные холсты. В момент, когда мощная каменная лестница закончилась небольшим коридором с панорамным окном и открытой настежь дверью, гость понял, что он достиг конечной цели.

Третьим этажом оказалась как раз та самая странная «башня», обсерватория без телескопа, как подумал молодой человек, находясь снаружи. В ней разместился рабочий кабинет на целый совет директоров. Жемчужный пасмурный свет лился из огромного окна, открывающего вид на всю территорию поместья: маковки сирени в палисаднике, бирюзовую гладь бассейна, на заднем дворе, скрытую прозрачным защитным пластиком, крыши подсобных зданий и периметр кованого забора, обнесенный раскидистыми кустами бутылочно-зеленых насаждений. Открытая створка одного из стекол беспрепятственно впускала в «башню» неприятную для жилой зоны прохладу, от которой у гостя пробежали мурашки по рукам. Или не от нее.

Стена с дверью, сплошь заставленная неглубокими шкафами с книгами и документами, закрытыми стеклом, пропустила посетителя внутрь комнаты, по площади вдвое превосходящей всю съемную квартиру Дениэла, включая ванную комнату и прихожую. Прохладные сатиновые обои бледно-василькового цвета мерцали ледяным сиянием, а пол застилала сизая деревянная текстура ламината.

Весь центр кабинета занял гигантский стол черного дуба для переговоров, одной короткой стороной примыкающий к массивному рабочему месту генерального директора с выдвижными ящиками слева от сиденья. На черном покрытии небрежной кучей рассыпались цветные журналы и листовки строительного содержания, а с краю примостилась пачка чистой писчей бумаги с парой дорогих ручек. Крепкие, но изящные стулья с черно-голубой полотняной обивкой встали в хоровод вокруг дубового гиганта, гостеприимно предлагая усесться на любой из них. Справа в углу примостился кулер с перевернутой в нем бутылкой и подносом, заставленным стеклянными стаканами.

На дальней стене висели три стильных картины в холодных тонах с изображением офисных атрибутов антикварных времен: перьями, чернильницами и фолиантами книг, открытых на красных строках с изящно выведенными алой краской первыми буквами латинских шрифтов. А под художественным комплексом восседал в громадном черном кожаном кресле, слегка поскрипывающем элитным материалом при движении, сам владелец поместья.

Здесь спутаться оказалось невозможно. Дениэл даже усмехнулся своим мыслям, посетившим его на входе в дом при столкновении с откровенным клерком. Величие и спокойствие мужчины за столом разливало стальную уверенность по холодной комнате, от которой гость слегка передернуло. Опять.

— Добрый день, Дениэл! — Нарушил звенящую тишину густой тягучий бас хозяина ледяной обители. — Меня зовут Оливер Траст.

Седоватый мужчина возрастом около сорока лет внимательно следил за вошедшим человеком взглядом серьезных карих глаз из-под тяжелых, чуть наплывающих на зрачки век. Строгий волевой подбородок покоился на сложенных домиком пальцах рук, чуть прикрывающих мягкие расслабленные губы. Вдруг они улыбнулись, обнажив на треть дюйма идеальный белоснежный прикус.

— Присаживайтесь, — развел руками железный человек, предоставляя растерявшемуся гостю выбрать себе место посадки.

— Сюда? — Переспросил Дениэл, указывая на один из стульев.

Его тон прозвучал несколько ошеломленно, хотя к самой сути вопроса он не имел никакого отношения. Просто обстановка в целом казалась нервной и притязательной. Теперь молодой человек со стыдом вспоминал свое желание скорчить рожу в камеру. Находясь в кабинете хозяина странного мира он растерял всю уверенность в себе с чувством юмора в придачу. Как и следовало ожидать, мистер Траст неверно истолковал интонацию, потому что следующие его слова добились юмориста окончательно.

— Да, на этом можно сидеть, хоть они и выглядят дворцовыми экспонатами, — усмехнулся мужчина, получая удовольствие от искренних реакций собеседника. — Как до нас добрались? Далекий путь?

— Двадцать минут на такси, — отчеканил молодой человек.

Наконец, он соизволил присесть, не с первого раза выбрав себе приглянувшийся стул, хотя все они были абсолютно одинаковые. Дениэл смущенно рассматривал большого человека, который оказался совсем не против побыть немного диковинным зверем. Расслабленные широкие плечи мужчины, закованные в светлую рубашку, размеренно приподнимались в такт дыханию, а трикотажная антрацитовая жилетка оказалась весьма кстати с учетом мартовской прохлады, льющейся из открытого окна.

По центру стола перед глазами мужчины лежали личные дела и резюме претендентов, на верхнем из которых посетитель узнал свою серьезную физиономию, распечатанную на цветном принтере, взятую из социальных сетей. Оставалось лишь догадываться о намерениях человека, сидящего в огромном дорогостоящем кожаном кресле, пробывавшего потенциального сотрудника по всем каналам связи.

— Что ж, вероятно, Вы живете где-то в районе Мишен, верно? — Предположил хозяин «башни». — Снимаете?

— Почти, — кивнул Дениэл, поражаясь скорости расчетов оппонента. — Да, снимаю квартиру в Хейт-Эшбери.

Седовласый сканировал его внимательным бархатным взглядом, будто видел насквозь, настолько пронизательным он казался. Потенциальный водитель нервно заерзал на стуле, ощущая себя примерно в два раза меньше под психологической силой перманентно-спокойного владельца поместья.

— Какая фирма у вашего костюма? — Непринужденно стал разглядывать его наряд мистер Траст, чем смутил парня основательно.

— Я не... Не в курсе, — сознался он обреченно. — Нечто серое, большое, но удобное.

— Вижу, что большое, — расхохотался мужчина очень открыто и радостно, но вскоре продолжил допрос: — Рост не доставляет неудобств?

— Бывает, — усмехнулся нервный визитер. — Но я уже привык, я с ним давно.

— Чем досаждают? Низкие потолки, короткие кровати и рукава, да?

Мистер Траст издевался над ним. Какое отношение к работе имели все эти вопросы? Мужчина поглядывал на гостя с улыбкой, все так же расслабленно облокотившись на свой стол льдыстыми рукавами рубашки.

— Вероятно, еще штаны коротковаты... — Задумчиво рассуждал он. — Где Вы покупаете одежду?

Дениэл невольно разъединил контакт с пронзительным взглядом, играючи приколачивающим его психологическими гвоздями. Ощущая себя шестнадцатилетним юнцом на экзамене, он обернулся в поисках иного объекта внимания, но, кроме кулера, за его спиной не оказалось ничего достойного.

— «Гесс», «Зара», — выдал он навскидку. — А Вы?

Предполагаемый начальник удивленно вздернул брови и удовлетворенно улыбнулся, принимая неожиданный вызов.

— «Ральф Лоурен» и «Томми Хилфигер». Для твоего... Я ведь могу перейти на «ты»? — Уточнил мистер Траст и, получив согласие оппонента, продолжил: — Для твоего роста хорошо будет «Маркс и Спенсер». У них прекрасная последняя пляжная коллекция. Ты умеешь плавать?

— Да, но давно не проверял себя на выносливость, — усмехнулся Дениэл, расслабившись. — Скорее всего, не утону.

— Страшная смерть, кстати! — Покачал головой экзаменатор, на секунду поджав губы. — Хотя, например, в Китае, не принято спасать утопающих, считается, что ты вмешиваешься в их карму. Забавно, неправда ли? Ты бы стал спасать?

— Конечно, стал бы! — Горячо воскликнул молодой человек.

— А как же карма? — Блеснул хитрецей в глазах собеседник.

— Я не китаец, — констатировал очевидное посетитель, рассмешив мистера Траста.

За окном в ватной графитовой пелене стало лениво копошиться скупающее мартовское светило, то и дело подглядывая в становившиеся все обширнее разрывы своей каменной крепости. Похоже, день мог стать вполне сносным, если ветер, поднявшийся еще ранним утром, растащит, наконец, тяжелые кучевые облака.

— А смог бы переехать в другую страну? — Вернул его в реальность кареглазый.

Чередка странных провокационных вопросов болтала его на волнах эмоций. Дениэл не представлял, есть ли на них правильные ответы, да и важны ли они вопрошающему, или тот просто развлекается, словно сытый кот, гоняющий перепуганную мышку между лап, давно выбрав себе работника из предыдущих экспонатов.

— В Китай — нет, — решил он, подумав. — А то вдруг буду тонуть, а там испугаются этой самой... Кармы.

— А если бы я попросил переехать, по долгу службы? — Приподнял бровь собеседник, став внезапно совершенно серьезным, чем снова врезал под дых гостю.

— Я... Мне как-то... Нет, — выдохнул Дениэл с трудом. — Боюсь, что нет, мне жаль. Китай — совсем не мое.

Мистер Траст задержался на щетинистом лице молодого гостя на пару секунд и опустил взгляд в его резюме, изучая бумажонку, пожалуй, впервые с момента, как тот зашел в недра «башни».

— Ты планируешь получить образование? — Вздохнул шеф, словно вынужденный задать этот скучный вопрос, имеющий прямое отношение к интервью.

— Да, в перспективе думал об этом, — кивнул молодой человек.

— Зачем?

Дениэл подумал, что он попал в параллельный мир, о котором ничего не знает. Только что прозвучал, пожалуй, самый странный вопрос не только в этой комнате, но и во всей его жизни.

— Простите? — Не понял он, стараясь найти в голове хоть что-то смутно отзывающееся на это слово.

— Зачем тебе высшее образование? — Повторил мужчина отрывисто и четко.

Похоже, мистер Траст наслаждался выжиманием из людей растерянности и смущения. Интересно, он и предыдущего претендента так допрашивал? Впрочем, уж у того-то точно было образование, Дениэл в этом не сомневался. Ничего не оставалось, кроме как начать лепетать принятые в обществе причины для учебы, потому что своих он не находил, хоть и собирался — искренне собирался! — в последующем все-таки получить корочки.

— Это ведь необходимо в нашем мире. Ну то есть, без него жить очень сложно!

— Ты ведь прожил столько лет, — скучающе протянул собеседник, словно молодой человек ушел не туда, куда требовалось, перепутал комнаты. — Как тебе жилось?

— Я, честно говоря, не задумывался, — сдался тот, тяжело вздохнув.

— Так задумайся!

Молчание повисло надолго. За это время Дениэл понял, что ответа у него нет. И он только что провалил в целом все собеседование, не изыскав в себе причин к учебе. Кроме того, откинув все ожидания социума от посещения университета, гость не нашел веских причин не только для начальника, но и для себя лично. Он и так неплохо себя ощущал, и, оставаясь все без изменений, не поплелся бы просиживать штаны за партой. Но человек перед его глазами, очевидно, имел не один диплом, поэтому сознаться в бесполезности лекционно-экзаменационной деятельности приравнивалось к неуважению начальника.

— Ты куришь? — Сменил тему мистер Траст, снова став приветливым.

— Не курю, — отрапортовал допрашиваемый, все еще оставаясь в печальном недовольстве собой за провал по предыдущему фронту. — И не пью довольно давно.

— Почему? — Вновь удивился седовласый. — Молодой, активный, наверняка бурная ночная жизнь, да? Даже сухие вина? А как же коньяк и виски со льдом?

Он сыпал вопросами тихим спокойным голосом, но взгляд его буравил лоб посетителя, пристально наблюдая за каждой его мышцей лица, нервно вздрагивающей попеременно в разных частях физиономии.

— Мне не вкусно, — сознался он лишь в доле правды.

Если разбавить любую элиту пресловутой дешевой «колой», загубив весь изысканный вкус, то пойло имело бы место быть, но не после работы в клубах, тут он пас. Провокации на эту тему ему не страшны, бывший охранник не согласится на спиртное даже ради уважения к шефу, если тот потребует. Уж лучше переезд в Китай!

— А что вкусно? — Не унимался владелец поместья, сверля взглядом громилу, ставшего вдруг ребенком.

— Вода, — сообщил тот твердо. — Вода — вкусно. А Вы что предпочитаете?

— Травяной чай, — не смутившись, сообщил собеседник. — Он смягчает даже закаленные сердца. Напиток примирений и раздумий. Мы семьей каждые выходные собираемся на чаепитие.

— Значит и сегодня ожидается? — Предположил молодой человек.

— Очень на это надеюсь, — тепло согласился владелец дома. — Всего доброго, Дениэл, спасибо за посещение! Тебе позвонят вне зависимости от принятого решения — положительного или отрицательного.

— Я могу идти? — Растерялся гость, успевший забыть, что находится все-таки на собеседовании.

Ему совсем не хотелось выметаться, впервые в жизни искренне заинтересовавшись совершенно незнакомым человеком. Вдруг он понял, что хочет задать этому спокойному хозяину своей жизни еще пару десятков вопросов, отвечать на которые у того нет времени. И уже не будет, к сожалению, никогда, судя по стремительности завершения общения.

— Да, можешь. Не заблудишься? — Улыбнулся мистер Траст, отчего не понятно было, насколько он серьезен в своих словах.

Дениэл усмехнулся и, попрощавшись, очень неохотно направился к выходу из ледяного кабинета. Уже за пределами «башни» он ощутил себя непроходимым идиотом. Причем, стыдно стало не за свои слова, а за то, кем он являлся на самом деле. Гордиться особо нечем: как он осмелился вообще завалиться в этот замок из золота и льда? Прошагав два пролета ступеней, посетитель едва не сшиб с ног ребенка, стоявшего этажом ниже. Девочка лет десяти не двигалась с места, уставившись на него растерянными карими глазками, по пронзительности

которые могли сравниться только с глазами ее отца. Он слегка кивнул ей в знак приветствия и, обогнув преграду, молча вышел на воздух.

04

Алексе безмерно нравились рассветы. Этот мягкий волшебный медовый отблеск, разливающийся по мерцающим золотистым шиммером стенам ее комнаты, переносил мечтательницу в какой-то иной мир, доступный только ей. Теплые обои цвета песка с мелкими гранулами блесков, переливающихся в расколотых на тысячи зайцев утренних лучах, окутывали девочку магическим миром, заботливым и надежным. Занавес на панорамном окне, состоящий из нитей прозрачных граненых бусин, преломлял дневное сияние, рассыпая крошечные кусочки радуги по кремовому кафельному полу. Алекса уставилась на разноцветные световые точки, усыпавшие кафель, и задумчиво потерла одну из них большим пальцем ноги. Заяц не сбежал, а, напротив, переселился на ее аккуратный нежный ноготок, прополз по стопе и снова спрыгнул на пол к своим сородичам.

Словно по команде, все точки исчезли. Солнце снова зашло за тяжелые свинцовые тучи, которые еще вчера разливались мелким дождем, а сегодня время от времени выпускали светило поиграть лучами в чехарду.

Из ее окна открывался вид на ворота гаража и большую часть бассейна с шезлонгами, за которым как раз занимался рассвет, сегодня скрытый облаками. Алекса бы ни за что в жизни не променяла свои восходы, позволяющие познакомиться с собой глубоко и осознанно, ни на один аспект ночной жизни, о которых она знала из множественных переписок и кинофильмов.

Все ее сокурсники на заочном обучении, с которыми девочка общалась в интернете по долгу обстоятельств, время от времени отходили от важных тем в сторону личных рассуждений, восторженно вздыхая по ночной жизни Сан-Франциско, не всегда доступной для них то из-за недостатка времени, то — средств на лишние расходы. У Алексы и того, и другого оказалось с лихвой, но немалую роль играл недостаток желания к бесшабашным ночным развлечениям.

Кроме того, недоступность абсолютной свободы обуславливалась возрастом ученицы. В свои четырнадцать лет Александра Траст имела круг общения, состоящий из людей в возрасте от двадцати до тридцати семи лет, самым старшим из которых был ее отец. Он же по совместительству являлся ее лучшим другом, первой поддержкой, добрым советчиком и, как не странно, прототипом поведения в семье. О последнем она с удивлением узнала совсем недавно, прочитав на досуге пару учебников университетской программы по философии и психологии.

Нет, мама у нее тоже была, причем просто замечательная! Частенько они вместе готовили обеды, мерили платья в рабочей комнате матери под ярким светом софитов или обсуждали работу благотворительных фондов за поздним завтраком будних дней. Но по какой-то невыносимой причине Алекса душой больше лежала к отцу, являясь по сути полноценной «папенькиной дочкой» со всеми вытекающими, не всегда позитивными, последствиями.

Без солнца мир снова погрузился в пасмурную мглу, привычную для города на воде. Девочка умылась, сменила черную атласную пижаму на легкие домашние брючки, усыпанные пунцовыми восточными «огурцами», и уселась за компьютер, чтобы проверить электронную почту. На ящик пришло несколько писем от компании, продающей ее картины через аукцион, с просьбой ответить на вопросы потенциальных покупателей. Мигало сообщение из интернет-магазина о смене статуса ее заказа на «отгружен» — новую партию книг для нее отец получит в понедельник в офисе, как обычно. Подсвечивались непрочитанными три отказа от фирм, которым не подошло ее коммерческое предложение о внедрении электромагнитного подшипника. Зато еще два — согласия от тех, которым подошло: первое содержало договор на использование патента, проектные документы, куда следовало установить новшество и пара актов о преемственности прав — этот вопрос будут решать юристы отца в понедельник, а вот чертежи

перекочевали на ее жесткий диск. А второе письмо прилагало перечень из двадцати четырех вопросов, на которые Алексе предстояло написать развернутые ответы.

Кроме того, почта сообщала о днях рождения двоих новых друзей, точнее, сокурсников, состоящих в одной из социальных сетей. С закрытием сессии пятого курса ее снова перевели в старшую группу, уже второй раз за учебный год. Девочка толком не успевала даже запомнить имени старосты, не говоря уже о том, чтобы начать общаться с кем-то о чем-либо, кроме учебы и заданий. Немного переживая по этому поводу, она все же не исключала себя из предыдущих групп, время от времени просматривая жизнь нормальных людей в интернете, читая о прогулках, совместных посиделках в кафе после очередного экзамена или пролистывая душевную переписку студентов. Сама писать сообщения в чат она не отваживалась, ощущая себя пришельцем в этом мире учеников. Собственно, так оно и складывалось — пришелец на три месяца, пока не получит от деканата официальное письмо о переводе на следующий курс.

Больше всего эмоций, причем, позитивных, у Алексы вызывал спам. Забавно было наблюдать за возможными потребностями людей, предложения на которые пытались составить ушлые маркетологи! Вот, например, на этот раз ей пришло письмо-предложение купить духи самых известных брендов по самой выгодной цене, а так же требование пройти интернет-курсы по повышению навыков общения прямо сейчас.

— Неплохая мысль, — погрузилась владелица ящика, вспомнив о своем смущении, не позволяющем общаться с сокурсниками в чатах.

В эту же минуту замигало еще одно уведомление, самое интересное для нее. Один из музеев предлагал разработать проект для своей экспозиции, которая будет выставлена на тендер в июле. Если все сложится, то его воплощение в жизнь предполагалось в течение всего года с последующей оплатой и презентацией под Рождество, а так же процентом от продажи билетов на посещение выставки. Серьезные карие глаза девочки подсветились азартным детским блеском, заставляющим забыть о минуте слабости. Наспех ответив, что предложение ее очень заинтересовало, Алекса повесила на письмо красный флажок важности и, предвкушая рождение шедевра, отошла от компьютера.

Обычное утро началось бы привычными для нее действиями и мыслями, если бы вдруг шорох шагов не разрезал тишину лестничного пролета за дверью ее комнаты. Чужих шагов! Девочка подскочила к выходу и прижалась ухом к теплому дереву. Скрип кожаной подошвы дорогих ботинок с тяжестью походки мужчины в возрасте отдалялся по лестнице на этаж выше.

— Хм, интересно, — пробурчала Алекса и отошла от двери в раздумьях.

Вскоре шаги незнакомца прозвучали в обратном направлении, с первого этажа донесся голос матери, и в поместье снова повисла тишина. Но через пару минут нарушилась очередной мягкой, почти неслышной поступью. Ее владелец поднялся в «башню» и, спустя четверть часа, вернулся назад. Голоса в гостиной оживились, мама рассмеялась легко и почтительно, и снова все стихло.

— Что там происходит? — Спросила Алекса сама у себя.

Она прижалась лбом к окну, но задний двор оказался пуст. Никаких признаков гостей не наблюдалось.

Девочка отслеживала звуки чужих ног, снующих туда-сюда с какой-то странной периодичностью и решила вспомнить, когда же в последний раз в их доме было столько посетителей. И не вспомнила. С одним из визитеров отец спустился из «башни» в гостиную лично, но, едва за незнакомцем хлопнула дверь, он, перекинувшись парой слов с мамой, поднялся обратно.

Люди двигались, разговаривали, шуршали гулками шагами и покидали дом, но на их место тут же приходили другие. Наконец, подслушивая бесконечную череду посещений, Алекса поняла, что ужасно голодная. Часы показывали четверть двенадцатого, еще бы! Девочка осторожно повернула дверную ручку и покинула надежное пространство комнаты,

после чего, постояв в дверях в нерешительности, медленно двинулась к лестнице, нарушая звенящую тишину поместья шорохом своих шагов.

Как вдруг дверь кабинета отца, находящегося этажом выше, раскрылась и выпустила владельца тяжелой уверенной поступи. Алекса замерла на лестничном пролете, и уже несколько секунд спустя ее догнал очень высокий, вероятно на две головы выше нее, широкоплечий незнакомец с гордой уверенной осанкой, едва не врезавшись в дочку хозяев поместья. Он несколько секунд растерянно оглядывал ее теплыми оливковыми глазами, цветом так похожими на глаза ее матери, обошел девочку по широкой дуге и устремился на первый этаж. Входная дверь хлопнула и дом снова погрузился в тишину.

Мягкими осторожными шагами она двинулась в сторону гостиной, где на краю диванного комплекса устроилась мать с книгой, которую не читала. Алекса точно знала, что «Гордость и предубеждение» — лишь ширма, которую миссис Траст надевала, чтобы спрятать глаза от лишних вопросов. Дочь не раз использовала цитаты из этой книги и тонко употребляла крылатые фразы оттуда, с целью получить мать в литературные сообщницы, но та не реагировала, а это значило, что для нее афоризмы считались лишь очередным детским лепетом, отпущенным устами ее незрелого дитя.

— Мам, доброе утро! Кто это был? — Спросила Алекса, наблюдая за родительницей.

Та, играя с изящностью бродвейской актрисы, оторвалась от синего фолианта и поглядела на дочь, долю беспокойной секунды соображая, что ответить. Почти сразу ее лицо приобрело выражение обыденности и равнодушия, словно ничего экстраординарного в их доме не происходило. Но от внимательных карих глаз не ускользнули уловки, хоть Алекса и привыкла к подобным сменам декораций. Увлекательная игра в сравнение «мама — до того, как придумала правильный ответ» и «мама — после» занимала порой две или три секунды, в зависимости от сложности вопроса. Иногда девочка так жалела родительницу, что едва сдерживала себя от того, чтобы подсказать той путь выхода из неловкой ситуации, которую сама же и создала. Но в последний момент всегда давала маме самой придумать блестящее оправдание, к тому же сегодня это ее действительно интересовало.

— Водитель, на собеседование к отцу приходил, — ответила, наконец, мать бесцветным тоном, хотя изначально — Алекса могла поклясться! — вопрос ее насторожил.

— Симпатичный, — прокомментировала она.

Женщина слегка приподняла бровь и напряженно улыбнулась на замечание дочери, но вскоре снова углубилась в чтение книги, уставившись на страницы сквозным растерянным взглядом.

Алекса проскользнула к столу и взяла огромное душистое яблоко. Но, не заметив реакции со стороны родительницы, что хватает еду до общего завтрака, девочка, тяжело вздохнув, направилась к владельцу «ледяной башни», надеясь получить новости из первых добрых отцовских рук.

05

Этот странный молодой парень, так правдиво отвечающий на все его глупые вопросы, созданные с одной лишь целью — выбить испытуемого гиганта из зоны комфорта, напомнил ему о главном. Оливера на кухне ждала семья, вынужденная откладывать привычный завтрак с травяным чаем и овощным омлетом, который по традиции в выходные жарил Мелани, а Алекса по традиции все это игнорировала, предпочитая фрукты и горячий шоколад. Спровадив последнего визитера, он на секунду задумался над развалом резюме на столе, но лишь на секунду. Потому что выбирать оказалось особо не из чего: на первом претенденте он понял, что нашел себе подходящего водителя, а на седьмом — что его не устраивал никто из сегодняшних номинантов. Но потребность осталась, а значит решить все равно придется. Зато теперь он хотя бы понимал, почему Мелани искала целый месяц такого скучного типа, как Альфред. Тот самый момент, когда главное достоинство человека — это отсутствие недостатков.

В открытую дверь просунулось кареглазое лицо дочери, хрустящее сочным зеленым яблоком. За исключением цвета глаз и удивительного по своей мягкости и рассудительности характера, Алекса была копией Мелани — невероятная красавица с остреньким подбородком и пухлыми губками, которая с возрастом соберет в их доме очередь из ухажеров. Или не соберет, черт.

— Папа, доброе утро! Как прошло собеседование? — Поинтересовалась девочка, проскользнув в прохладное помещение, но тут же недовольно передернула худенькими плечиками. — Ну и холодина у тебя!

Она легко подлетела к окну и прикрыла створку, поежившись. После чего увидела на столе гору причин для раздумий отца, наслаивающих одну строгую фотографию на другую.

— Мама рассказала, да? Хорошо, что ты зашла! Я как раз не могу решить, — улыбнулся отец, доверяя этот нелегкий, да и по сути бессмысленный выбор воле случая.

Своего любимого «случая», всегда вовремя влетающего в его застопорившуюся жизнь и распутывающего почти невозможные к разгадке вопросы с легкой детской непосредственностью.

— Я видела, как от тебя выходил один из претендентов, — начала Алекса осторожно.

Похоже, Мелани и тут оказалась права, переживая за реакции дочери на табун гостей в выходной день. Первой эмоцией на это сообщение у Оливера поднялась тревога, но, оценив внешний вид девочки и изрядно удивившись оному, отец решил разузнать у юной особы чуть больше, раз уж ситуация выходила из разряда «обычных».

— Вот как? — Вскинул брови родитель и, разложив семь резюме на столе, подозвал дочь. — Который из них?

Затуманившийся взгляд скользил по фотографиям, пока с полной осознанностью не остановился на грубом лице с тяжелой челюстью и нефритовыми глазами. Девочка зависла на картинке, тяжело вздохнув, и залилась румянцем смущения.

— Этот! — Выдала она, взяв в руки нужное резюме.

Но отдавать его девочка не спешила, а отец и не торопил ее. Изучив внимательным взглядом все три листа личной жизни молодого человека, Алекса протянула бумаги родителю.

— У него нет опыта работы, детка, — вздохнул сокрушенно отец. — Хотя он и очень приятный собеседник, и готов учиться, но есть претенденты гораздо опытней и старше...

— Где он возьмет опыт, если не дать ему возможность? — Удивилась девочка. — Это единственный его недостаток?

— Пожалуй, да, — согласился хозяин поместья, потеряв подбородок. — Но он весомый. Тебе он понравился?

— Я его видела мельком, пап, — смутилась она, опутив взгляд на стол, но снова поймала лицо молодого человека и мягко улыбнулась.

— А может, возьмем вот этого? — Указал отец на улыбчивого поджарого мужчину, годящегося ей в деды.

— Нет, он безответственный, — отрезала девочка безапелляционно, чем удивила отца.

Она мельком пробежалась взглядом по остальным, отметив недобрым огнем в глазах блондина с лучезарной улыбкой.

— А этот вообще слишком... — Гостя тревожно задумалась и зависла взглядом на фото, но вскоре выдала результат. — Опасный.

Оливер замер, стараясь не дышать. То, что происходило сейчас в «башне», не укладывалось ни в его многолетний опыт родителя этой уникальной во всех смыслах девочки, ни в многолетний опыт Алексы как дочери. Со всей осторожностью и деликатностью, он продолжил задавать ей вопросы, с каждым мгновением все глубже понимая особенность ситуации, сложившейся сегодня в их доме.

— Хорошо, а как насчет этого? — Протянул очередное резюме отец, но та даже не среагировала, полностью отдав внимание приглянувшемуся молодому человеку.

В продрогшем на мартовском ветру помещении ей вдруг внезапно стало жарко, щеки вспыхнули. Теплый взгляд спокойных зеленых глаз смотрел на нее с фотографии, не позволяя обратить внимание ни на что другое. Краем уха Алекса слышала, что отец обратился к ней и ждал ответа, но она не ощутила в себе сил оторваться от резюме, словно сила, притягивающая ее к странному человеку на листе оказалась гораздо большей, чем сила родительского авторитета. Она разглядывала очень внимательно лицо в легкой щетине и поймала себя на изменении ощущений от этого взгляда: химия, происходившая с ней, была девочке внове. Не в состоянии связать слов, она кивнула невпопад ожидающему ответу отцу.

— Ты уже завтракала? — Решил сменить тему тот, внимательно следивший за реакциями дочери.

Она с трудом отвела взгляд и вспомнила про яблоко, которое держала в руке. Словно не понимая, как оно там оказалось, и куда теперь девать провиант, в котором не было нужды, девочка уставилась на родителя, терпеливо предоставляющего ей возможность прожить полный спектр необходимых эмоций.

— Разве это завтрак? — Добродушно ухмыльнулся отец, проследив за ее реакцией. — Там мама звала есть омлет с овощами, пойдешь?

— Пойду, — слабо отозвалась она. — Только есть пока не хочу.

Отец с улыбкой выбрался из-за стола и, обняв ее за плечи, принялся рассказывать о приглянувшемся дочери претенденте на вакантное место. Так они и двинулись плечо к плечу к гостинной, мило беседуя.

— Только маме не рассказывай, — шепнула девочка на подходе к кухне.

— Почему же? — Удивился глава семьи, но, получив в ответ смущенный неопределенный взгляд дочери, нарисовал пальцем крестик на своих губах, тепло улынувшись.

В рабочем костюме, прикрытом фартуком, по кухонному уголку сновала хозяйка дома. Стол, накрытый тончайшим французским белоснежным фарфором на троих, ожидал душистый омлет, который Мелани помешивала лопаткой резкими экономными движениями.

Вскоре по столу разбрелись чашки с блюдами из того же белоснежного сервиза, а ложки, собирающиеся устроиться рядом, стали по очереди выпадать из рук очевидно расстроенной женщины.

— Мелани, ты в порядке? — Спросил ее муж, когда на паркетный пол упала очередная часть их столового серебра.

— Да, — выдохнула она и, замедлившись, опустила руки.

Обошедшая на цыпочках стол Алекса уселась с краю, стараясь не мешать родителям. Она тщетно пыталась присутствовать на позднем семейном завтраке, потому что голова ее находилась в лестничном пролете между своей комнатой и кабинетом отца в столкновении с владельцем добрых зеленых глаз. Незнакомый мужчина отпечатался в ее разуме небывалой силой и уверенностью, огромным потенциалом в будущем.

Оливер принялся помогать с посудой и разливать чай, но тут заметил на жене рабочую одежду.

— Ты переделась! — Воскликнул он утвердительно.

— Да, позвонила очень встревоженная Молли. К ней приехал Полонски со всей бригадой, задает вопросы, требует меня, в общем жуть! — Тараторила Мелани.

— Я сменю костюм и буду готов, — бросил на ходу глава семьи и двинулся спешно к подъему на второй этаж. — Алекса, помоги маме!

— Оливер, не нужно!.. — Начала было супруга, но тот уже хлопнул дверью спальни этажом выше, в три прыжка миновав каменную лестницу. — Разлей, пожалуйста сок, дорогая.

Дочь послушно открыла бутылку с апельсиновым напитком и принялась наполнять высокие стаканы, расставленные по столу. Спустя пару минут вернулся отец, на ходу завязывая галстук.

— Еще не хватало отдать двух женщин на съедение пяти самых беспощадных акул города, — выдал с чувством глава семьи.

— Восьми, — поправила его супруга.

— Еще лучше! — Негодующе воскликнул он, принимая у жены из рук блюдо со своей порцией омлета.

— Алекса, твоя порция на плите, — сообщила девочке мать, наученная опытом.

— Спасибо мам, я пока попью какао, — улыбнулась та в ответ.

Родители наспех закинули завтрак в рот, поцеловали ребенка в обе стороны макушки — каждый в свою — и вскоре загрузились в подъехавший к входу черный «Тойота Ленд Крузер» с пушистой седой шевелюрой Альфреда за рулем. Глядя в след удаляющимся родителям, Алекса поняла, что не рассказала о двух письмах с предложением на подшипники. Что ж, будет вечером повод заглянуть в кабинет отца.

06

Когда вопрос о границах безопасности для дочери закрылся вместе с дверью поместья за их с супругом спинами, Мелани смогла, наконец, расслабиться на заднем сидении своего автомобиля. Девочка мало того, что столкнулась на лестнице с долговязым гостем поместья, так еще и сообщила о своих диаметрально противоположных с матерью вкусах в понимании красоты молодых людей! Симпатичный! Немыслимо! Она вспомнила тяжелый взгляд и твердую походку верзилы и снова передернулась от сковавшего ее тело дискомфорта.

— Замерзла? — Спросил сидящий рядом с ней Оливер.

Та лишь отрицательно покачала головой. Но потом решила обсудить день с супругом, обещавшим выбрать себе работника из сегодняшних экспонатов.

— Что ты решил? — Спросила она достаточно резко.

Мужчина смерил ее внимательным взглядом и понял, если сейчас не вынудить жену поделиться эмоциями с ним, она наломает дров с Полонски.

— Как ты думаешь? — Начал игру муж, усмехнувшись.

— Блондин, — выдала женщина.

— Нет! — Расхохотался Оливер. — С чего ты взяла?

— Ты провожал его до выхода, — невозмутимо обосновала она.

Пушистый седой Альфред ехал молча, плавно выкручивая руль на поворотах. Он не реагировал на слова четы Траст ни единым жестом или вдохом, словно автопилот доставляя супругов по нужному адресу. В какой-то момент хозяйке «Фонда» показалось, что водитель вытянул шею и уставился на нее в зеркало заднего вида, но клаксон из-за спины опроверг ее опасения. «Ленд Крузер» прижался к бордюру и пропустил вперед нетерпеливого водителя, сигналившего сзади, после чего в прежнем ритме двинулся дальше.

— Он нездорово интересовался комнатами на втором этаже, — произнес строго мистер Траст, вспоминая ушлого гостя. — Я решил ему показать, где выход, чтобы он не заблудился. Кстати, Алекса назвала его опасным.

— Алекса? — Изумилась женщина. — Она их всех видела?

— Да, вместе листали резюме, — бросил как можно небрежнее муж.

Мелани выдохнула и прикрыла глаза ладонью.

— Кто же тогда? — Поинтересовалась она.

Мистер Траст стойко выдержал пытливый взгляд жены, в который раз изумляясь, до чего же она привлекательная. Столько лет прошло, а он так и не смог поверить в ее выбор жениха, все еще стараясь завоевать сердце неприступной красавицы.

— Нет, Оливер! — Начала догадываться хозяйка поместья, едва сдерживая проступающий наружу страх. — Ведь не последний же? Этот тип — чистой воды уголовник! У нас ведь Алекса!

— Ей он и понравился, — кивнул собеседник.

Мелани не могла поверить, что ее так подставили. Едкое кислое чувство предательства разлилось по душе. Из сегодняшних кандидатов в водители именно последний пугал ее больше всех. Совершенно неуправляемая бесконтрольная сила этого головореза не оставляла никаких шансов войти с ним в контакт, ни завтра, ни когда-либо еще. Сегодня утром от этого широкоплечего монстра женщиной обуял какое-то животный инстинкт по спасению себя и своего потомства, который ей не хотелось бы активировать повторно. Но сейчас ее ставили перед фактом, что пережитый ужас станет теперь ее ежедневной фоновой эмоцией. Но тут она поняла еще кое-что.

— Она его запомнила! — Всплеснула руками жена. — Как такое может быть?

— Случайность? — Попытался предположить супруг, сам не веря своим словам.

Мелани только нетерпеливо мотнула головой. Какая тут может быть случайность?

— Ты выбрал его поэтому? — Решила уточнить она.

— Нет, он мне просто понравился, — соврал Оливер, но, поймав недоверчивый взгляд жены, добавил: — И поэтому тоже! Мне очень интересно, как все сложится. Это ведь действительно невероятно, правда?

— А когда он кого-то убьет, ты так же будешь прикрываться интересом? — Вспылила супруга и, не дав себя обнять, уставилась на мужа злобным взглядом.

— Мел, почему он должен кого-то убить? — Возмутился мужчина. — Что ты несешь?

Тяжелая тягучая тишина повисла в салоне автомобиля, нарушаемая лишь изредка тикающим реле поворотников. Постепенно Мелани смирилась с неизбежным, приняв для себя решение никогда не пересекаться с этим человеком-скалой, достала документы из сумки и начала изучать процентные показатели. Впрочем, недолго.

— Кто он такой? — Воскликнула она в сердцах, не имея возможности сосредоточиться на дурацких цифрах.

— Обычный парень из провинции, — начал рассказ Оливер ровным будничным тоном. — Рос с матерью, начал работать с двенадцати лет, не пьет и не курит. В перспективе хочет получить экономическое образование.

— Он опасный! — Выпалила собеседница, не имея сил унять поднявшуюся дрожь в руках. — Вот, кто на самом деле опасный, Алекса ошиблась!

— Она так не считает.

За окном плыли пыльные пасмурные здания, замедленные ядовитыми красками светофоров и загруженностью дорог. Субботний Сан-Франциско напоминал телевизор в большой семье в выходной день: вроде бы сам ящик с его программами не изменился, но сейчас, когда возле него оказались все домочадцы, популярностью стали пользоваться даже откровенные глупости. Маленькие парки оказались забиты людьми, сидевшими под резкими порывами ветра на изумрудном газоне. Пурпурные канатные трамваи с дынного цвета рамами окон, то и дело проплывающие по неравномерному ландшафту города, облепились туристами так, словно на улице был разгар жаркого оранжевого лета, а не преддождевая серая середина марта. Мелани могла поспорить, что субботний ажиотаж к «телевизору» привлек посетителей даже к побережью океана, хотя купальный сезон в городе начинался едва ли не раньше июля.

— Он ведь не будет жить у нас, верно? — Произнесла она, поразмыслив, но взгляд мужа исподлобья оказался красноречивей любого ответа. — Черт, Оливер!

— Мне бы это оказалось очень на руку, потому что сейчас парень живет дальше, чем путь до Корпорации, — невозмутимо сообщил супруг. — Пусть он сам решит.

«Ленд Крузер» остановился перед шлагбаумом парковки возле высокого здания серо-лазурного стекла, ожидая, когда охрана пропустит автомобиль начальства.

— Я его гнев отсюда чувствую, — вздохнула Мелани, кивнув на группу мужчин, столпившихся с сигаретами возле входа.

— Он переживет твоё опоздание, не сомневайся, — пробасил ей на ухо муж и, поцеловав в висок, выбрался наружу, не дожидаясь, пока Альфред заедет на парковку.

Восемь пар глаз уставились на приближающуюся к входу чету Траст, спешно докуривая сигареты.

— Приветствуем вас, господа! — Произнес почтительно Оливер, едва ступени «Фонда» коснулись его ботинок. — Пройдем в офис?

— Там мы уже все видели, мистер Траст! — Скривился в кислой mine самый низенький из всей делегации.

И самый агрессивный. Лысый и приземистый Горан Полонски был не то сербом, не то поляком, но поговаривали, что корнями он был прямиком из холодной злой России. Как бы то ни было, мистер Траст всегда намеренно просаживал неоднократные попытки оппонента

уходить разговорами в политику или мировую экономику, стараясь не задеть президента компании за живое.

— Вы не видели там нас! — Парировал он с улыбкой.

Команда партнеров оказалась не против скрыться в здании от холодного ветра. Они понуро двинулись гуськом за Мелани, и Горану ничего не оставалось, кроме как шагать следом, скривившись от раздражающего почтения вместо положенного чувства вины за задержку.

— Чай или кофе? — Обернулась на делегацию миссис Траст, мягко улыбнувшись.

— Знаете, сколько литров кофе мы выпили, пока ждали вас? — Рывкнул Полонски.

— Тогда, Молли, налей нам всем чай, пожалуйста, — попросила начальница своего секретаря, следуя мимо стойки ресепшн в свой кабинет для переговоров.

Низкорослая светловолосая Молли окинула делегацию тревожным взглядом и шмыгнула от вереницы деловых костюмов за дверцу посудного шкафа. Заключительным костюмом шел мистер Траст. Он жестом показал секретарю, что все будет хорошо, и закрыл за собой дверь переговорной.

Рассадив гостей по обтянутым корпоративной ярко-синей тканью стульям, супруги переглянулись. Мелани вышла вперед и принялась вспоминать проценты распределения вырученных от благотворительности средств по штату. Она переживала и иногда путалась в десятых долях процента, но в целом суть речи доносилась до ушей слушателей, смягчая их воспаленный ожиданием мозг. До всех, кроме одного.

— Прекрасная память на цифры, миссис Траст! — Крякнул Полонски.

В дверь постучалась Молли и, не дожидаясь разрешения, мягко проскользнула в помещение с подносом. Крупный синий чайник и в тон ему десять кружек на блюдцах слегка брякали на широком поддоне, разливая густой томный аромат черного чая с бергамотом. Девушка расставила угощение по столу и скрылась за дверью.

Мелани, безмерно благодарная секретарю за вынужденную передышку, успела немного остыть от колкого замечания и перекинуться взглядом с мужем, но серьезно настроенный гость продолжил то, зачем пожертвовал своим выходным днем.

— Чем Вы еще можете нас порадовать, миссис Траст? — Ухмыльнулся лысый, недобро оглядывая ответчицу с головы до ног.

— Я неплохо танцую твист, — спокойно усмирила провокатора женщина, чем собрала легкие усмешки собравшихся за столом, но не его.

— Чего Вы хотите, мистер Полонски? — Спросил вызывающе Оливер и жестом пресек попытку супруги вмешаться.

Тусклые серые глубоко посаженные глазки коренастого мужчины буравили строгий карий бархатный взгляд. Сопровождение затихло, не смея двигаться или дышать, наблюдая молчаливую схватку двух львов, готовых к смертельному броску.

— А Вы наглец, Оливер, — выдохнул гость и отвел взгляд. — Так и быть, я Вам расскажу.

Короткими пухлыми пальцами Полонски прихватил маленькую чашечку с чаем и пригубил терпкий напиток.

— Вы — слишком пафосные и надменные граждане для Сан-Франциско, — начал он речь не слишком лестно. — Мне не нравятся ваши Ежегодные Балы, дорогие платья и бриллиантовые кольца. Финансируя свой родной штат, я хочу быть уверен, что Вы, Оливер, не оплатите моими средствами очередное украшение для Вашей женушки.

Горан улыбался и не сводил взгляд с мистера Траста, который все так же сдерживал Мелани от комментариев. Наконец, ответчик презрительно усмехнулся и нашел в себе силы остаться в лице.

— Если Вы хоть немного в своем уме, мистер Полонски, в чем я не сомневаюсь ни секунды, Вы понимаете, что ни один фонд штатов не предоставит Вам столь подробную смету, равную нашей. Тем «Благотворительный Фонд Траст» и собирает ежегодно огромные средства,

что не обманывает своих вкладчиков. Что касается пафоса и мишуры, тут соглашусь с Вами. Совершенно ни к чему нам такое обширное помещение для проведения банкетов на первом этаже, верно, Мелани? Пожалуй, в этом году мы проведем бал на улице, чтобы «АшБиСи Холдингс» были уверены, что на их деньги мы не купили новые портьеры в зал и не заменили ни одной диодной лампочки на потолке. Надеюсь, за две недели город успеет посетить летняя жара!

Лампы дневного освещения стали казаться оглушительными в той тишине, которая повисла в помещении. Лицо гневного гостя скривилось, но сам посетитель предпочел остаться в безмолвии, лишь злобно уставившись на собеседника.

— Полагаю, и эта комната таких размеров нам ни к чему, верно же? На улице встретиться и обсудить все насущные дела было бы гораздо удобнее: там и курить можно беспрепятственно, полагаю, именно этого сейчас всем нам не хватает, да? — Продолжал Оливер.

Мелани с гордостью смотрела на своего супруга, хоть произнесенная речь и похоронила отношения с холдингом, обещавшими быть ключевыми на балу в этом году. К черту все деньги мира, когда твой мужчина отстаивает честь своей дамы сердца в честной схватке с драконом. Она тепло улыбнулась мужу и расслабленно оперлась спиной о подоконник, продолжая наблюдать спарринг.

— Что же до украшений моей жены, Горан, — вернул Оливер фамильярный тон собеседнику, — то смею Вас заверить, что я это сделаю из личных финансов. Потому что средства «Фонда» меня не касаются вообще, я даже не претендую на оплату труда за сегодняшний выход к Вам.

В оглушительном вакууме переговорной щелкнул дверной замок и белобрысая голова Молли протиснулась в небольшую щелку.

— Еще чаю? — Смущенно предложила девушка.

Скованные стальным льдом напряженные лица гостей переглянулись друг с другом и уставились на начальника.

— Пожалуй, — усмехнулся Полонски, развалившись поудобней на стуле и расслабив плечи. — Мне — с сахаром.

07

Еще утром наблюдая красочных зайцев на теплом кафельном полу комнаты, она хотела верить, что к вечеру тучи разойдутся, но после обеда тот самый ветер, что пытался их разогнать, открывая светилу амбразуры в бетонных стенах небосвода, натащил с запада очередную партию свинцовой ваты. А заодно убил и надежду на погожий закат.

Родители уехали четыре часа назад, и пока новостей от них не было. Алекса ответила на письмо с вопросами и собиралась уже сесть за чертежи, как глаз зацепился за алый флажок проекта для музея. Тендер разжигал азарт в ее сердце, и не потому, что предстояло соревнование со специалистами вдвое старше нее, а потому, что хотелось принести людям добро и радость своими достижениями. Задание, конечно, не позволяло блеснуть фантазией и способностями, будучи очень узконаправленным, но все равно выставляло некоторые приятные к достижению высоты для четырнадцатилетней девочки.

— Мне почти пятнадцать! — Произнесла Александра в пустоту комнаты, вздрогнув от звонкости своего голоса в кисельной тишине пасмурного пространства.

Родители не впервые уезжали по делам вместе, но неприятные ощущения до сих пор оставались, словно Рапунцель покинули все люди мира, оставив в высокой башне. В те часы, что девочка находилась одна в доме, она предпочитала не выходить из своей уютной комнаты, казавшейся неприступным оплотом надежности, пока шум двигателя маминого «Ленд Крузера» не донесется до ее уха от ворот поместья. Только тогда она осмеливалась спуститься в гостиную и встретить родителей.

Она вспомнила сегодняшнее утро в кабинете отца и снова залилась румянцем смущения, что папа стал наблюдателем ее новых эмоций. Странное ощущение от обилия гостей в поместье не покидало ее, словно сегодня произошло что-то гораздо более важное, чем просто подбор водителя. Скорее всего, это чувство ей вселила мама, которая, несмотря на видимость спокойствия, нервничала больше обычного. Алекса не впервые перенимала состояние родителей, хоть толком и не знала причин к формированию тех или иных эмоций. И сегодня вполне себе могло произойти то же самое.

А вот и знакомый звук мотора. Бензиновый, шестицилиндровый, четырехлитровый двигатель с многоточечным распределенным впрыском топлива урчал совершенно по-особенному. Алекса, когда закрывала глаза, даже представляла себе ход поршней в цилиндрах, расположенных под углом друг к другу по три в ряд. Если бы она не знала наверняка, какая реакция матери последует за ее действием, девочка бы уже давно забралась под капот ее техники и перевернула там все. Но пока «Крузер», к сожалению, покоился в гараже, недоступный для ее подростковых рук, так чешущихся до разного рода техники.

Девочка встала за мерцающими занавесками у своего огромного окна, поглядывая на вечно открытые ворота гаража, куда вскоре должен будет проехать на стоянку автомобиль, и прислушалась к шуму на первом этаже. Дверь впустила две пары знакомой обуви, снующей по кухне в поисках провианта. Мама непринужденно смеялась и что-то мурлыкала, а отец отвечал кратко и собранно. Наконец, она решилась спуститься вниз к семье.

На подходе к гостиной Алекса поняла, что голоса стихли, замерев в ожидании ее персоны. Девочка легко преодолела оставшиеся мраморные ступени и впорхнула в кухню. Первым она заметила отца, серьезного и строгого. Тот сидел, развалившись, на стуле темного ореха, и провожал взглядом исподлобья свою любимицу. Его строгий пиджак валялся теперь на спинке соседнего стула в компании скрученного в хилую змею серого галстука, отслужившего сегодня рамки делового тона и теперь отдыхающего от тяжелого дня.

— Как ты, дорогая? — Пропела мама, проследив за посветлевшим вдруг взглядом мужа.

— Работаю, — отшутилась Алекса, сообразив, что сейчас им не до ее достижений. — Выглядите так себе. Все плохо?

— Все просто прекрасно! — Не согласилась ответчица. — Папа сегодня на высоте!

Она облизала крупную деревянную ложку, которой накладывала из огромной миски овощное рагу, и кокетливо стрельнула взглядом в усмехнувшегося супруга.

— Я провалил маме сделку, — сознался он, рассеянно почесав подбородок. — Конечно, до драки дело не дошло, но это не моя заслуга.

Землистый оттенок прозрачной стены превращал позднее послеобеденное время в сумерки, отчего не понятно становилось, ленч грядет или ужин. Родителей никогда не смущали временные рамки, они вполне могли пообедать кукурузным супом хоть в десять вечера. Вот и сейчас, потерявшись во времени, Алекса, наблюдая за приготовлениями мамы к совместному приему пищи, заметила вдруг на плите свой утренний омлет. Задумавшись, почему тот так и остался нетронутым, девочка не смогла вспомнить, куда ушел день без родителей, словно его и не было.

— Значит, это была не ваша сделка, — задумчиво протянула дочь, не отрывая взгляда от омлета.

— Я так и сказала, — рассмеялась родительница. — Слышишь, Оливер? Это не наша сделка.

— Рад вашему позитивному настрою, но я теперь знаю, с какой стороны продолжать работать над собой, — пробурчал глава семьи, не оценив откровенной лести за оплошность.

В теплом свете духового шкафа рагу приобретало вполне себе съедобные очертания, размякнув и покрывшись глянцевым маслянистым блеском. В воздухе разлился возбуждающий аромат овощей и специй, обещающий не менее приятный вкус блюда. Все-таки, мама у них просто волшебница! Когда она только успевает готовить?

— Пап, тебе завтра в офис привезут партию книг, — сообщила девочка, стараясь снова включиться в жизнь. — Там небольшая коробка.

— Теперь грузы меня не пугают, — проинформировал отец, усмехнувшись, на что получил вспышку непонятных эмоций супруги, которые та успешно погасила.

Мама сняла с плиты свежесваренные пенне и разложила по тарелкам с изящностью лесной нимфы. Бурое рагу разместилось поверх макаронных изделий и увенчалось маленькой веточкой кориандра для украшения. Девочка с благоговением наблюдала за волшебством, творимым мамой на кухне, и радовалась возможности совместных посиделок, которые в будни не всегда оказывались доступными.

— Как дела в университете? — Поинтересовалась мать, расставляя тарелки с провиантом по столу.

— Нормально, — неопределенно произнесла Алекса. — Меня снова перевели в новую группу. На этот раз, преддипломную.

— Замечательно, я так рада за тебя! — Ликовала хозяйка кухни. — Прекрасный подход к обучению, милая, ты просто гениальна!

— Тебя это расстраивает? — Уточнил более внимательный отец.

Удивленная женщина заметила, что эти двое снова нашли общий язык быстрее, чем она успела сориентироваться. Теперь она, безусловно, обратила внимание на то, что девочка не очень радуется своим успехам, но Мелани бы в ее возрасте ужасно гордилась собой! В чем же дело?

— Не сильно, пап, правда, — произнесла дочь печально. — Просто я едва успеваю запоминать номер своей группы, не говоря уже о людях в ней.

— Дорогая, тебе не обязательно так скоро осваивать университетскую программу! — Заверил ее отец. — Ты можешь учиться наравне со всеми.

— Я знаю, — кивнула она. — Просто так получается, что мне очень интересно брать большие куски, но у этого есть и обратная сторона: я остаюсь без друзей.

Родители переглянулись встревоженными взглядами, но предпочли промолчать.

— Еще мне сегодня пришли документы по внедрению, — сообщила она скромно. — Чертежами я займусь, а с договорами, боюсь, не справлюсь. Могу я снова переслать их на оформление мистеру Джексону?

Совсем недавно, когда Алекса рассылала предложения на свой первый патент, отец позволил ей воспользоваться услугами юриста «Траст Инкорпорейтед», который помог оформить ограниченную передачу прав верно и взаимовыгодно для обеих сторон. Совсем скоро электромагнитный амортизатор приняли в производство две компании из семнадцати — остальным он не подошел по экономическим соображениям, но и этот результат оказался очень даже позитивным. И вот теперь на очереди оказался подшипник.

— Конечно, я предупрежу его в понедельник. Поздравляю, это огромный прорыв! — Восхитился отец.

После спокойного молчаливого ужина дочь вызвалась мыть посуду и на этой славной ноте осталась в гостиной одна. Она снова удивилась, как странно ею переносится единение, хотя она в этом состоянии проводила большую часть своего детства. Дом будто становился живым, начинал плавно, с хрустом, вздыхать своими темными шоколадными стенами. Захотелось скорее скрыться в своей мерцающей комнате и там переждать вынужденное одиночество, которого в ее жизни казалось теперь очень много. Слишком много.

08

Предварительно заскочив в закусочную и перехватив нечто, что с трудом можно было назвать здоровой пищей, Дениэл вернулся в холостяцкую конуру и упал на кровать досыпать остатки своей смехотворной жизни.

Когда его разум снова включился в реальность, за окном уже полноправно разливались холодные сумерки. Он протянул руку к телефону — четверть шестого.

— Утра или вечера? — Не понял молодой человек.

Тяжелая глупая голова отказывалась соображать и была живо отправлена на реабилитацию в душ, после которого всегда становилось легче, словно вода омывала не только тело, но и более глубинные части его существа, о которых он даже не догадывался. Так случилось и сейчас. Готовый к новой жизни, он вышел после процедур в комнату в неглиже и принялся разыскивать по ящикам белье. После облачения тела в свежую одежду, его было бы неплохо накормить. Любопытно оглядывая пакеты из маркета, словно это не он сам покупал продукты, Дениэл нашел подходящие упаковки, содержимое которых сегодня будет называться едой, и уселся за стол в раздумьях, чем ему заняться.

На задворках мозга начали всплывать, будто из сна, разрозненные образы дома с «башней» и волевого царя в ней. Слишком идеальный газон, слишком чистые окна, слишком красивая женщина и слишком уверенный в себе мужчина складывали в его голове нереальную картинку, папахивающую выдумкой. Слишком папахивающую.

Дениэл поднялся с шаткого табурета и заглянул в шкаф. Там на вешалке в чехле с логотипом прокатной фирмы висел строгий костюм, который он вчера вечером привез домой. На полке идеальной стопочкой лежала белая, очевидно еще неиспользованная рубашка, потому что даже в страшном сне он не мог себе представить такой скрупулезной аккуратности от себя. А значит, сейчас четверть шестого утра того дня, на который было назначено собеседование. Молодой человек прошелся взглядом по столу, где на клочке бумаги должен быть нацарапан адрес, но клочка нигде не наблюдалось.

— Я же выкинул его в урну в миле от ворот дома, — вспомнил Дениэл и осекся.

Он заглянул в мобильный телефон, чтобы найти номер, с которого звонила приятная девушка, но редкий входящий звонок затерся тремя десятками исходящих, которые молодой человек набирал вчера во время поиска работы. И теперь он не отдавал себе отчета, что есть реальность, а что — выдумка. Может, он и сейчас все еще спит?

Чертовщина какая-то!

Он вернулся к столу и хотел загрузить в рот очередную порцию пакетированной еды, когда телефон зажужжал вибровывозом на столе. На экране высвечивался незнакомый мобильный номер, но едва ли Дениэла это смутило. За последнюю неделю он успел раскидать свое резюме в пару сотен разномастных источников, звонить могли с любого конца штата.

— Алло! — Снял трубку молодой человек, и только после этого подумал о раннем для звонка утреннем времени.

— Дениэл, здравствуй! — Добродушный чистый бас пришил его к стулу, не оставляя сомнений в своей реальности. — Это Оливер Траст, ты сегодня был у меня на собеседовании.

Перед его разумом мгновенно встала картинка холодного кабинета с его владельцем, обладающим уникальным по своей пронзительности взглядом карих глаз. Словно сбросив с глаз пелену, Дениэл вспомнил с потрясающей осознанностью все время посещения, каждый вопрос начальника и шаг по поместью. И тут же пришло понимание, что за окном вечер, рассыпающийся лимонный свет фонарей по синеве подступающей ночи.

— Добрый вечер, мистер Траст! — Обрадовался его звонку молодой человек, словно услышал голос родного отца.

— Если ты за субботу еще не нашел себе занятие по душе, то с понедельника можешь приступить к работе в «Траст Инкорпорейтед», — сообщил собеседник.

Что? Он не ослышался? Его брал на службу водителем тот самый человек, которому Дениэл хотел задать сто один вопрос, как стать ему подобным?

— Спасибо Вам, я с удовольствием приступлю! — Выпалил он, не до конца осознавая информацию. — В какое время мне нужно быть у Вас?

— Этот вопрос я и хотел бы обсудить подробно, Дениэл, — продолжала вещать трубка. — Мне было бы очень удобно, если бы ты занял одну из комнат в поместье. Так я буду спокоен, что ты близко, когда нужен, а тебе не придется ездить каждые утро и вечер двойной маршрут на такси.

Молчание повисло на том конце провода. Новоиспеченный водитель снова усомнился в реальности происходящего, а потому и ответить ничего не смог. Ущипните его. Он лишь рассеянно хлопал глазами и беззвучно открывал рот.

— Взаимовыгодное решение, если хочешь, — продолжил шеф, снова неверно истолковав тишину.

Мистер Траст говорил это таким будничным тоном, словно все его сотрудники жили с ним под одной крышей. Вот так просто он приглашал в свой дом с семьей абсолютно незнакомого человека, немыслимо! Но тут «незнакомый человек» понял, что и ему придется делить кров с непривычными людьми, у которых могут быть свои правила, традиции и устои.

— Неожиданное предложение! — Честно признался Дениэл, переводя дух от благ, сыпавшихся на его только что очнувшуюся голову.

— Ты можешь взять время для раздумий, если нужно.

Молодой человек вспомнил музей, по которому ему довелось прогуливаться утром, с эхом от шагов, будто идешь по склепу с приведениями, и не понял, как в таком месте вообще можно жить. Сплошные мрамор, деревянный массив и позолота везде, где только можно. Но семьсот пятьдесят долларов за квартиру в центре, плюс двадцать три бакса на такси до работы в один конец, перевесили. К тому же, в музеях Дениэл еще пока не жил.

— Не нужно времени, я согласен, — произнес он, стараясь скрыть волнение.

Мистер Траст предупредил, что в их доме автоматически включается сигнализация в полночь и отключается в пять утра, то есть никакой ночной куралесицы с таким расписанием быть не может.

— Если опаздываешь, спишь вне дома. Это не всегда удобно для жизни, особенно в молодом возрасте, но на такие меры в нашей семье есть весьма серьезные причины.

Дениэл не смог сдержать улыбки, насколько это совпадало с его эгоистичными желаниями. Два года бессонных ночей и сбитого графика утомили его настолько, что он оказался готов на пожизненное ночное заключение. Даже если в старый замок по ночам прилетают вампиры и кусают запертых в нем уставших путников.

— Спасибо Вам, мне это подходит. Ночью я планирую спать.

— Что ж, тогда завтра к полудню приезжай, — радушно отозвался начальник. — Покажу тебе автопарк и комнату.

Попрощавшись, Дениэл понял, что больше не голоден. Его глаза горели нетерпением, молодой человек готов был в эту самую секунду рвануть с полными сумками скарба туда, на юг Сан-Франциско, где за спальными районами почти на самой окраине раскинул крылья особняк с зеркальными окнами. Но это было глупо. Равно, как и глупо было, не пройдя испытательного срока на фирме, собрать все вещи и распрощаться со съемной коробкой. Чем он и занялся в свободный от дел, но не от мыслей, вечер.

Когда две спортивные сумки с вещами встали истуканами на выходе из квартирки, Дениэл понял, что торопит события. Но ему просто отчаянно не терпелось развязаться с этой конурой, которая буквально пропахла его бессонными ночами и ночными клубами. Хотелось

вырваться, показать себя во всей красе, прыгнуть выше головы! Завтра, когда мистер Траст задаст очередной провокационный вопрос, спеси в его голове, конечно же, поубавится, но сейчас он готов бежать и покорять высоты.

Окрыленный прекрасными новостями, Дениэл накинул теплую куртку и отправился в последний раз прогуляться по привычным за два года кварталам. Он брел по знакомым улицам, прощаясь со старой жизнью, будто переезжал не в соседний район, а в новое тело. Молодой человек будет скучать по этим пластмассовым ногам в чулках на пересечении улиц, по своему любимому кафетерию с неизменной Моникой за стойкой, так лихо собирающей своими полными темнокожими руками веганский бургер. Ему будет ужасно не хватать мистера Куимби, кашляющего от дыма дешевых сигарет на общей лестничной клетке возле консервной банки, ставшей пепельницей. И пусть старик воняет, словно эта самая банка, но и истории его — высший пилотаж, они хохотали всем клубом, когда Дениэл пересказывал байки.

Но тут перед внутренним взором встало лицо мистера Траста и тоски по всему этому — как не бывало. Стало странно, что можно жить такой пустой жизнью, когда у твоих ног разворачивается целый мир. Как можно стоять вечерами в прокуренном коридоре и слушать дурацкие истории несчастного старикана с шутками ниже пояса? Как, скажите на милость, можно уснуть днем и не вспомнить сегодняшнего утра, которое теперь так явно и чисто вырисовывалось в его сознании? Как можно вернуться с собеседования в серьезной фирме и не сложить аккуратно свою рубашку?

Остановившись, словно налетел на стену, молодой человек замер в чернильной темноте вечера. С легкой тошнотой в горле от своего ребячества, как тогда на собеседовании, он отправился медленным осознанным шагом назад в комнату, чтобы взвесить в одинокой постели прошедший день и заснуть благостным сном до самого рассвета.

09

Новое утро немногим отличалось от вчерашнего, за исключением одного. Мама обещала сегодня приготовить ее любимые блинчики, которые не жарила уже пару месяцев, ссылаясь на то, что сама она изрядно поправилась. Алекса, конечно же, не замечала за ней таких изменений, но раз родительнице необходима была эта отговорка, дочь спорить не стала.

Пасмурное утро снова встретило ее тяжелыми свинцовыми облаками, так часто затягивающими небо Сан-Франциско на протяжении всего года. Тем слаще казались ей ясные рассветы, когда солнце малиновым диском выныривало из-за горизонта, постепенно набираясь сил сиять и ослеплять. Но к сегодняшнему дню это не относилось.

Еще раз оценив в окно понурый пепельный небосвод, словно за четверть часа, проведенных в ванне, что-то могло измениться, Алекса выбралась из своей комнаты. Гостиная наполнилась соблазнительным ароматом ванильных панкейков, которые мать ловко переворачивала лопаткой на трещащей маслом сковородке.

— Доброе утро! — Просияла девочка. — Не хватает только кленового сиропа и папиного травяного чая.

Мелани оторвалась от плиты и отозвалась на приветствие дочки, отметив, что та за ночь стала гораздо менее понурой, чем показалось ей вчера. Возможно, именно обилие незнакомых людей, заполонивших утренний особняк, сказалось так на ее состоянии.

— Папа скоро присоединится к нам, милая, — сообщила родительница. — Он в кабинете решает кое-какие дела.

Не проронив ни звука, дочь пулей влетела на третий этаж и постучала в массивную дверь кабинета, из-за которой слышался приглушенный голос отца. Вскоре он открыл, прижимая телефон к уху и показывая на него жестами.

— Да, он самый... — Сообщил мужчина в трубку. — Тридцать месяцев, думаю, хватит, для начала... Хорошо, Лиз, до понедельника.

— Я помешала? — Смутилась дочь, когда мобильный отца снова исчез в кармане.

— Нет, совсем нет! — Усмехнулся хозяин «башни». — Оформляем твоего водителя.

И снова ее лицо залил этот предательский пунцовый румянец, не поддающийся никакому контролю. Что больше смущало девочку: факт того, что она уговорила отца взять на работу неподходящего сотрудника, или что этот самый сотрудник не шел у нее из головы, она не знала. Но теперь в их доме появилась маленькая совместная тайна от мамы, что разбивало семью надвое. Вероятно, именно это не давало ей покоя сильнее всего. Но тут Александра напомнила себе, что она все-таки дочь, а значит и вопросы такого размаха решать не ей, и расслабила плечи, наслаждаясь ощущением своего первого лично выбранного работника.

— Ты так быстро определился? — Удивилась она. — Я помню, как мама искала Альфреда! Это продолжалось очень долго.

— Хм, скажем так, мне помогли, — покосился он на девочку и лукаво улыбнулся. — К тому же, мама хотела правильного водителя. А я — интересного.

— Дениэл — интересный? — Спросила Алекса.

Хозяин поместья оценил внимательным взглядом свою внезапно начавшую интересоваться мальчиками — даже нет, мужчинами! — дочь и, вместо ответа направился, к выходу, жестом позвав ее за собой.

— Идем, мама там творит чудеса на кухне.

Девочка послушно покинула кабинет вслед за родителем.

Девятичасовой завтрак собрал за мощным столом всю семью Траст, которую, к слову сказать, Алекса никогда не считала удовлетворительно завершенной.

— А почему все-таки у меня нет братьев и сестер? — Вновь поинтересовалась она, вспоминая, как во все остальные разы родители, словно сговорившись, несли какую-то чушь.

Мелани отвернулась к панкейкам, но раскладывала их по тарелкам невообразимо долго, бесконечно поправляя каждую ягоду для украшения, предоставив мужу уникальную возможность разбираться с любопытством дочери самому.

— Потому что в Сан-Франциско нет аистов, дорогая, — улыбнулся Оливер. — Они обитают в центральной части Южной Америки, а здесь, вероятно, их пугает сильный океанический ветер. Кстати, популяции аистов с каждым годом становятся все менее численными, ученые коррелируют это с изменившейся экологией, влияющей на ветра и течения по всему земному шару. Спроси вот у мамы, как раньше было тепло плавать в океане на Бейкер Бич! А теперь даже в июле пятки стынут.

— Папа прав, милая. А вот и завтрак! — Пропела мать, повернувшись к семье с тарелками. — Налетай!

Ну вот опять. Оценив по достоинству находчивость предков, Алекса хоть и хихикнула на невозмутимую речь отца, но все равно поразились ребячеству родителей, свято верящих, что дочь на пороге пятнадцатилетия не в курсе, откуда берутся дети. Она насмешливо покачала головой и принялась за еду.

— Мне сегодня нужно привести в порядок дела «Фонда», дорогая. Поможешь мне? — Тепло попросила мама.

— Конечно, помогу! — С готовностью согласилась Алекса, предвкушая совместную работу в ее кабинете.

Она просто обожала эту комнату! Ярчайший свет от стальных ламп, так похожих на софиты подиума, озарял даже самый отдаленный закуток огромного зала с высоким потолком. Теплые бледно-салатные обои смягчали тяжелые портьерные шторы цвета пыльной хвои и крупный диван им в тон с бесконечным множеством подушек разных размеров и оттенков зеленого. Белоснежные стеллажи, скрывавшие от чужих взглядов мелочи, разложенные скрупулезной хозяйкой в алфавитном порядке, уравнивали и освежали пространство помещения. Разнообразная офисная техника выстроилась в ряд по длинному десятифутовому белому столу и вмещала в себя полный список того, что вообще могло понадобиться в жизни. В дальнем правом углу даже пристроился светлый софтбокс для съемки изделий «Ювелирного Дома Траст», о котором Мелани всегда забывала на время Ежегодного Бала, и массивный фотоаппарат на треноге. Света и объема прибавляло гигантское зеркало в половину стены, в которое Алекса частенько поглядывала, оценивая свое отражение с разных ракурсов в ослепительных лучах прожекторов.

Мелани ворвалась в лесной кабинет и уверенными движениями начала потрошить стеллаж, а следом и три объемных коробки с бумагами «Фонда», стоявших на полу у принтера. Она выкладывала пачки отпечатанных листов, которым, казалось, не было конца. Похоже, сегодня у Алексы не дойдут руки ни до чертежей, ни до тендера. А, возможно, и завтра тоже.

— Их нужно разобрать по датам и составить опись документов, — выдохнула мать. — Если ты устанешь или соскучишься, я пойму, потому что это очень долгая и заунывная работа, дорогая.

— Мам, я с тобой до победного! — Кивнула девочка. — Даже интересно принять такой вызов!

Звонко рассмеявшись, хозяйка бумажной продукции взяла себе первую партию листов и принялась их сортировать. Ловкие руки с салонным маникюром привычными движениями раскидывали горы документов. Казалось, Мелани даже не успевает смотреть на шапки бесконечных актов и накладных, высокие стопки которых таяли на глазах, перетекая в более систематизированные пачки по годам или месяцам. Девочка присоединилась к родительнице, но

поддержать темп у той не было никаких шансов, слишком неравны оказались силы у Большого Бумажного Монстра и Маленькой Канцелярской Мышки.

К обеденному времени пришел черед перечня документов. Алекса любовно перетягивала веревкой результат совместной работы и укладывала их обратно в коробки, когда мама недовольно рыкнула:

— Принтер не работает! Шумит, но не печатает. Нужно позвать папу!

— Можно я посмотрю, в чем дело? — Полезла к технике дочь, но тут же получила отпор.

— Нет, дорогая, еще не хватало тебе перемазать руки краской! — Возмутилась женщина и добавила назидательным тоном: — Леди должна выглядеть безупречно при любых обстоятельствах! Позови папу, пожалуйста.

Недовольно хмыкнув, девочка вышла вон и направилась напрямик в «башню». Там отца не оказалось, зато из мусорного ведра торчала пачка знакомых листов, которые еще вчера днем она видела у него на столе. Действительно, выбор сделан, теперь резюме оказались ни к чему. Оглянувшись на приоткрытую дверь, Алекса быстро нашла нужное и, озираясь, словно вор, спешно покинула кабинет отца, едва не оглохнув от собственного сердцебиения.

10

За десять минут до назначенного времени Оливер толкнул прозрачную дверь темно-коричневого стекла и вышел под козырек балкона. Угрюмое серое небо вчера хотя бы изредка мелькало солнцем, протискивающимся через просветы между облаков, но сегодня однотонная угрюмая пелена затянула город. Зато ветер стих. Он приподнял воротник базальтовой спортивной куртки с меховым воротником, которую носил только по территории поместья и опустил ладони в карманы.

Наконец, вдалеке щелкнул замок ворот, впуская в их обитель нового жильца, который бодрой походкой, несмотря на две большие сумки и рюкзак за спиной, приближался к владельцу поместья.

— Добрый день, мистер Траст! — Прогудел он радостно.

— Здравствуй, Дениэл! — Улыбнулся Оливер своему сотруднику. — Прошу, за мной.

Начальник двинулся по подъездной дорожке за поместье, где в недрах внутреннего двора раскинулся большой плавательный бассейн в бирюзовой чаше, закрытый прозрачным ячеистым пластиком на холодное время года, с тремя бежевыми плетеными шезлонгами возле него.

— В корпорации неотъемлемы костюм и галстук, — вещал на ходу шеф. — Все представители компании — секретари, партнеры и начальники, водители и личные помощники — присутствуют на рабочем месте строго в классическом облики. Так что запасись тем, что ты назвал серым, большим и удобным.

Мистер Траст открыто и душевно улыбался, время от времени поворачиваясь к собеседнику, словно они с Дениэлом виделись не второй раз в жизни, а работали вместе уже ни один год. Молодой человек шагал следом за шефом, оказавшимся на целую голову ниже него, что не так бросалось в глаза, когда начальник «башни» восседал в кресле, но теперь казалось даже милым и забавным.

За фасадом поместья скрывалось второе крыло, еще более объемное, чем первое, располагаясь буквой «Г», в центре пересечения которых возвышалась уже знакомая Дениэлу «ледяная башня».

— Оставь сумки там, — посоветовал хозяин дома, указав на неприметную дверь заднего входа. — Они тебе пока не понадобятся.

Работник послушно освободился от ноши и вернулся к шефу. Справа от бассейна за открытыми рольставнями располагался вход в обширный гаражный комплекс. К нему и направился мистер Траст, инструктируя новобранца:

— Дверь в гараж можно не закрывать на ночь, территория охраняемая. Соседнее здание — это корпус охраны. Любые инциденты решаются там. Главный в нем Луи Кроненберг, он всегда на связи, — проговорил Оливер и приложил телефон к уху, ожидая ответа на другой стороне. — Алло, Луи! Выйди к нам, пожалуйста.

Спустя пару минут к ним присоединился невысокий коренастый мужчина лет сорока, сероглазый, темноволосый и очень строгий. Его тусклый рабочий костюм охранника цементного цвета с объемными карманами и широким армейским ремнем прекрасно гармонировали с внутренним убранством гаража — серыми бетонными стенами, голыми и холодными.

— Луи, это Дениэл, наш новый водитель, — представил мистер Траст сопровождающего. — Ему понадобятся ключи и документы на автомобиль.

Мужчины пожали руки и направились в недра гаража, чтобы выбрать подходящий транспорт.

— На ходу сейчас «Мерседес», — узнал Дениэл резкий отрывистый голос домофона в начальнике охраны, такой же холодный, как и его носитель. — Вчера пригнали.

На выходе из серого помещения стоял отполированный черный «Мерседес» Эс-класса последнего рестайлинга, с хромированной решеткой радиатора и изящными пятилепестковыми литыми дисками. Молодой человек едва удержался, чтобы первым делом не забраться дорогостоящей малышке под капот, но тут заметил в глубине гаража два брезентовых чехла, по очертаниям напоминающие автомобили.

— А там что? — Поинтересовался он, но тут же пожалел о сказанном.

Начальник охраны окинул его внимательным подозрительным взглядом, но все же выдал ответ:

— Это нерабочие машины, ими не пользуются.

По негласному разрешению начальника, он достал из кармана увесистую связку ключей и выбрал самый маленький, который вставил в металлический серый шкаф на стене перед выездом. Там Кроненберг снял с крючка брелок со значком «Мерседеса» и корочки с документами на технику и вручил добро новому водителю.

— Ты можешь оставлять их в машине после окончания рабочего дня, — проговорил мистер Траст, после чего обратился к Луи. — Обменяйтесь, пожалуйста на всякий случай номерами телефонов, чтобы без меня...

— Пап? — Раздался за их спиной девичий голос, заставивший обернуться всех троих.

— Алекса? — Уставился отец на девочку. — Как ты меня... Что-то случилось?

Тысяча и одна эмоция проскочили через его взгляд, прежде чем глава семьи смог сообразить, что дело сделано — она уже здесь. Он бегло оценил состояние дочери, смерил внимательным взглядом собеседников и снова вернулся к родным карим глазам. Те затуманились от испуга и неожиданности, но вскоре вернулись в реальность. Девочка смущенно уставилась в серый пол гаража, встретившись взглядом с водителем, но вскоре нашла в себе силы не только продолжить исследование незнакомцев, но даже зайти внутрь.

— Добрый день! — Склонила она почтительно каштановую головку, кивнув сопровождающим родителя, и сразу обратилась к отцу: — Принтер сломался, нужна твоя помощь.

— То есть, газотурбинный двигатель Вам, юная леди, по зубам, а «Хьюлетт-Паккард» оказался слишком крепким орешком? — Усмехнулся отец.

— Мама не разрешила пачкать руки, — сдавленно процедила Алекса и сжала губы в несогласии.

Звонкий басовитый смех отца рассыпался по гаражу осколками эха, отразившимися от холодной бетонной коробки. Алекса улыбнулась в ответ, мельком взглянув на носителя добрых оливковых глаз, и стала смиренно ждать вердикта.

— Передай маме, что я буду занят еще час, как минимум, а тонер отмывается простой водой, — доложил, отсмеявшись, хозяин поместья. — Скажи, папа разрешил разобрать принтер на запчасти.

— Спасибо, пап! — Подпрыгнула от радости дочь и, попрощавшись с мужчинами, убежала восвояси.

Двое сопровождающих Дениэла замерли в пространстве гаража, хотя нарушительница спокойствия уже, вероятно, скрылась в дверях поместья, не в силах шелохнуться от изумления. Но вскоре вспомнили про третьего, ожидающего разрешения ситуации.

— Прошу прощения, дела семейные, — пожал плечами главный.

После обмена контактами с новым водителем, Луи вернулся на пост, а владелец особняка продолжил экскурсию. Мистер Траст повел шофера к западному входу, состоявшему из обычной металлической двери с порошковой покраской под основной цвет здания и одной низкой ступеньки с ворсистым ковриком. Там он нашел свои сумки, которые бросил полчаса назад и, снова навьючившись, двинулся за седовласым.

— С этого входа поместья располагаются комнаты для служащих, — продолжил рассказ шеф. — Здесь же с тобой живет водитель миссис Траст Альфред, его комната слева в

конце коридора. Справа от кухни комната миссис Льюис, нашей кухарки. Она здесь старшая по хозяйству, все вопросы, если они возникнут, к ней.

Начальник расстегнул куртку, но раздеваться не стал. Он плавно двигался по ламинату цвета серого агата, жестами указывая на объекты рассказа.

Уже от металлической двери, открывавшей взору недлинный коридор прихожей с вешалками и подставкой для обуви, на которой покоились несколько пар, Дениэл понял, что музея не будет, и вздохнул с облегчением. Прихожая напоминала скорее частный гостевой дом, неброский, но со свежими охряными обоями и аккуратной уютной мебелью. Кухня, оказавшаяся почти втрое меньше хозяйской, с обеденным столом на шестерых человек и гарнитуром из светлого ясеня, приятно располагала к теплому домашнему ужину, одаривая пространство желтоватым светом из ярко-зеленых плафонов, подвешенных ровно над столешницей. Крупное окно, выходящее видом на бассейн, оторачивалось молочным шифоновым ламбрекеном в крупных волнистых складках, а на подоконнике красовались глиняные кадки с цветами.

В целом, западная часть поместья имела дух большого жилого пространства, за которым ухаживали сердечно и полюбовно, отчего у молодого человека сразу сложилось ощущение спокойствия и мира под его крышей. За кухней пряталась скромная деревянная лестница на второй этаж, по которой гостя не повели.

От гостиной вдоль всего крыла шел узкий коридор, обшитый светлыми деревянными панелями, по обе стороны которого располагались четыре закрытые двери с серебристыми круглыми ручками. К одной из таких дверей, из замочной скважины которой торчал ключ, владелец дома подвел своего сопровождающего и, открыв ее, пропустил внутрь.

— Устраивайся. И до завтра, — попрощался он.

Дениэл остался один. Мягкие шаги начальника стихли возле кухни, и по дому разлилась звенящая тишина. Странное ощущение, будто он сам придумал этот мир, идеально ему подходящий, создавало иллюзию сна, пьянило нереальностью, заставляло отчаянно желать никогда не просыпаться. Он поставил скарб на входе и шагнул вглубь.

Комната, с выкрашенными матовой бледно-коричневой краской стенами и ламинатом цвета корицы, оказалась нейтральной и лаконичной. Сразу у входа ютилась маленькая, на три вешалки и тумбу под обувь, прихожая, организованная за счет стены от личной ванной комнаты. По центру лениво прилег терракотовый ковер с длинным ворсом, а справа от него красовалась полутораспальная кровать с покрывалом в цвет ковра. Напротив ложа вальяжно встал, словно мирный африканский слон, большой шкаф, вместительный и удобный. Вдоль свободной стены протянулся длинный узкий стол, на который тут же поселились лэптоп и планшет Дениэла, документы и брелок от лакированного «Мерседеса», смартфон и ключи от съемной квартиры, которые предстояло сдать в конце недели управляющему, и еще тысяча звенящих мелочей, некогда покоившихся в карманах джинсов молодого человека.

По коридору зашуршала мягкая поступь женских шагов. Дениэл, сообразив, что не закрыл за собой дверь, выглянул из теперь уже своей комнаты и увидел среднего телосложения женщину с пучком темных, почти черных, волос, лет сорока пяти, в землисто-вересковом домашнем платье. Она улыбалась мягкими добрыми глазами голубинового цвета, но при этом оставалась почтительна и серьезна.

— Меня зовут Дороти Льюис, я кухарка семьи Траст, — тепло по-матерински представилась она. — А ты — новый водитель, верно?

— Да, Дениэл Кентмор. Очень приятно, — он мягко пожал руку женщине.

— Если нужна будет помощь, моя комната слева от кухни, — заботливо сообщила миссис Льюис, подтвердив уже известную ему информацию, но тут же отпустила ситуацию. — Хотя, я думаю, ты сам разберешься, там все довольно просто.

— Спасибо Вам, — рассеяно ответил Дениэл.

Оставив после себя шлейф принятия и услужливости, Дороти предоставила жильцу возможность справляться с новосельем самостоятельно, чем он и занялся, едва за той закрылась дверь. Он начал было разбирать вещи, но вдруг вспомнил, что не заглядывал в ванную. Комната для гигиенических процедур оказалась простой и маленькой, вмещавшей в себя угловую душевую кабинку, унитаз и раковину. Стены в светлом бисквитном кафеле создавали ощущение чистоты, усиливающееся благодаря яркому свету от встроенных диодных ламп на глянцевом подвесном потолке. В шкафчике покоились свежие полотенца спокойных бежевых тонов, а из стаканчика на полке возле зеркала даже торчала пара отельных зубных щеток сомнительного качества. Все как в обычном гостевом доме. Только Дениэл понимал, что это не отель, о порядке ему предстояло заботиться самому.

Пожалуй, единственным минусом всей нереальной картины, участником которой стал молодой человек, были окна. Свет с улицы практически не попадал в комнату по причине неровного ландшафта территории: первый этаж западного корпуса наполовину ушел под землю, словно решив укрыться травяной пеленой по самые глазницы особняка. Небольшие прямоугольные окна без занавесок располагались в верхней трети стены комнаты, почти под самым потолком.

Завалившись на мягкую постель в ворсистом покрывале, Дениэл расслабленно закинул руки под голову и удовлетворенно гоготнул в пустое пространство, довольный собой, судьбой и жизнью в целом. Этого не случалось с ним со времен ранних школьных лет, когда еще его семья жила в большом двухэтажном доме на окраине Миррормонта. С тех пор минуло шестнадцать лет, а состояние спокойствия, окутывавшее мальчика в те времена, кануло в лету вместе с домом, оставив в душе стойкое чувство отторжения от родного городка. Но сейчас умиротворение мимолетом посетило его, хоть в душе и осело абсолютное непонимание причин, заставивших мистера Траста рассмотреть в нем кандидатуру на вакансию шофера. Ведь Дениэл знал, что он для этой работы был слишком молод и неопытен, слишком прост.

11

Мелани промолчала весь совместный ужин, который, к слову, Алекса проигнорировала, сославшись на дела, задумчиво ковыряя вилкой в еде. Пряча глаза от внимательного взгляда супруга, она убрала со стола и принялась мыть посуду, что случалось с ней нечасто при наличии посудомоечной машины. Чувствуя всем позвоночником напряжение жены, Оливер подошел и встал рядом, небрежно опершись поясницей на столешницу.

— Как дела? — Бросил он, явно заигрывая с супругой.

Та беспокойно зыркнула на него и вернулась к раковине, не проронив ни звука. Сегодня она напоминала струны с его гитары молодости, на которой он неумело бренчал своими тощими пальцами, стараясь очаровать ту, что теперь делила с ним супружеское ложе. Эта неукротимая музыкальная малышка с изящным станом темного бука могла легко зарядить ему по лицу струной, если неосторожно перетянуть ее нервы, но в иных случаях ее звучание в руках старшеклассника лилось бархатной песней, устоять перед которой было чертовски сложно. Однако Мелани держалась почти полгода, прежде, чем официально решила взять его за руку, и то, как предполагал Оливер, лишь из желания досадить своей матери.

— Расскажи, что случилось? — Нежно пробасил он, стараясь успокоить любимую. — Это из-за принтера?

— Что? Господи, нет! Что за ерунда? — Воскликнула она, закатив глаза к потолку.

— Тогда в чем дело?

— Алекса спросила меня о Кроненберге, — тихо проговорила жена. — По крайней мере, в ее описании я узнала именно его.

Мужчина хмыкнул и, скрестив руки на груди, уперся серьезным взглядом в стол.

— Что ты ей рассказала? — Решился он на вопрос.

— Правду! — Удивилась женщина. — Луи — хороший человек, мне нечего скрывать. Что вы с ним делали в гараже?

Теперь удивился и Оливер, ведь обеденные планы не являлись секретом для супруги, но, очевидно, о втором его спутнике дочь умолчала.

— Знакомились с новым водителем, — сообщил он.

Мелани передернула плечами и резко выключила воду, закончив с посудой. Она уселась на ближайший стул, но вскоре снова встала и принялась нервно расхаживать по гостиной, стараясь не ускоряться, что давалось ей с трудом.

— Он тебе не нравится, я вижу, — отметил наблюдательный мужчина. — Сможешь рассказать, почему?

— Он кошмарный! — Вспыхнула Мелани. — В дрожь пробирает от его взгляда.

— Seriously? — Пожал плечами собеседник. — Это из-за роста?

— Не знаю, Оливер, — нетерпеливо отмахнулась она. — Рост, вес — какая разница? Я тебе говорю про общее ощущение.

— Но Алекса даже вспомнила сегодня с утра его имя!

Мелани остановилась и глубоко вздохнула. Он буквально видел ее колючие мысли, роящиеся яркими радужными иглами в голове, преувеличивая обычные ситуации до вселенских масштабов. Впрочем, отчасти она была права, ситуация не совсем обычная.

— Что это должно значить? — Наконец, выдохнула она.

— Однозначного — ничего, — заявил муж. — Но это настораживает. Ты не сообщала об этом доктору Фергусону?

— Сообщила еще вчера. Он попросил наблюдать дальше, как Алекса ведет себя с ним.

— Значит, я в любом случае поступил верно, пригласив его работать у нас, — сделал вывод глава семьи, но, поймав противоречивый взгляд супруги, поспешил закончить неприятный разговор. — Идем, прогуляемся перед сном? В саду вечером очень душевно.

— Нет, — отрезала та. — Мне там не нравится. Лучше расскажи, как прошел день. Как дела у Луи?

Новостей особо не оказалось, но Оливер понимал, что потребность жены заключалась не в словах, а в спокойном тембре его голоса. Он ни раз уже замечал, что в нервном состоянии она его практически не слушает, погружаясь в свои мысли, но молчание могло оказаться фатальным, ибо неконтролируемое беспокойство Мелани тут же брало верх над остальными ее эмоциями. Поэтому и сейчас он не стал спорить, а лишь плавно, словно река по осени, складывал в слова то, что интересным по сути и не являлось. Разрозненные мысли, события и картинки, краски и запахи — все это покрывало женщину видимым спокойствием, если сам Оливер держался в берегах.

Позже пара поднялась в спальню, прикрыв дверь, которая рано утром выпустила главу семьи назад в мир, оставив за собой спящую супругу. Он мягким шагом спустился по лестнице, отметив, что у дочери в комнате уже горит свет. Ранняя пташка, она всегда была первым гостем кабинета отца в выходные. Мелани же, особенно после долгой трудовой недели, предпочитала поспать, как минимум, до девяти, но бывало и еще дольше.

Без семьи завтрак удовольствия не доставлял, хоть и являлся порой неотъемлемой частью его утра, как, например, сегодня. Банка растворимого кофе выдала в его кружку порцию кофеина и вернулась за матовые дверцы гарнитура. Теперь дело за кипятком. Пухлый золотистый чайник вздохнул несколько раз надрывно, словно курильщик с многолетним стажем, и принялся дуть в свисток, хриплым кашлем сообщая, что Оливер налил слишком много воды. Снова.

За окном мелькнули фары его «Мерседеса», о котором он мечтал со школьных времен, выпрашивая у отца хотя бы старенький и подержанный транспорт, но после ситуации с «Харлеем», сын лишился кредита доверия начисто, а посему приобрел мечту лишь пару лет назад уже на свои кровные. Но зато его автомобиль отличался полным фаршем начинки. И пусть сам Оливер терпеть не мог водить машину, жирная галочка от владения железкой красовалась в его голове, подпитывая его павлиньи хвостовое оперение.

Странно, до чего удивительное распределение возможностей и желаний: когда ты хочешь «Мерседес», чтобы пушить хвост перед девчонками, у тебя нет на него средств, но, когда средства появляются, вероятней всего, у тебя уже нет того холеного хвоста. Либо есть, но та самка павлина, что тебе была по молодости по душе, уже спит в твоей постели лет этак двадцать, и пушиться особо не перед кем. Либо не в твоей, но тогда и ее гузка уже совсем не та, что раньше. Усмехнувшись абсурду, он прикончил противный напиток, в очередной раз пообещав себе завязывать с этим в ближайшее время, и направился к своему транспорту.

Мистер Траст вышел из зеркальных дверей поместья и привычным действием загрузил тело с деловым кейсом на заднее сидение автомобиля.

— Доброе утро, Дениэл! — Поприветствовал он молодого человека и, продиктовав нужный адрес, стал заниматься своими делами.

Ответив на позитивное начало дня, водитель отметил, что его руки все же пробирала мелкая дрожь, несмотря на то, что он пытался немного привыкнуть к рулю, просидев в гараже за баранкой четверть часа. Ничего, со временем привыкнет.

Машина плавно покинула зону посадки и двинулась к воротам поместья. Дениэл ехал очень медленно, радуясь открытию автомобильного стажа коробкой с автоматическим переключением. На механике он бы сейчас заглох пару десятков раз, как пить дать, показав свои водительские навыки во всей красе. Как он вообще сдал на права с таким отношением к рулю, не понятно.

И тут он понял причину. Это все потому, что сдавал парень не на «Мерседесе»! Черный лаковый красавец пленял его своей гордой осанкой необузданного «мустанга». В его бы седло да опытного наездника, но салон горделивого скакуна, до сих пор пахнувший заводской обработкой пластика, занял новичок, почти девственник по автомобильным меркам, способный лишь вздыхать и зачарованно смотреть на его блестящие бока.

Дождливое утро понедельника не прибавляло позитива. Мелкие капли влаги стекали грустными потоками слез по стеклу. Шеф, как заметил Дениэл, бросив беглый взгляд в зеркало заднего вида, полностью ушел в свои мысли и документы, доверяя своему работнику на сто процентов. Но, по мыслям того, зря. Внутренне вспоминая весь арсенал доступных к воспроизведению американских ругательств, он все-таки довез начальника до нужного здания, по-другому и быть не могло. Не рыдать же на обочине!

— Слева парковка, — обыденно сообщил мистер Траст новобранцу. — Можешь подождать там, если хочешь, либо подняться в офис.

Прекрасно, что есть иллюзия выбора. Пожалуй, он высушит потные ладони и сменит белье в одиночестве. Уговаривать шеф не стал. Он легко выбрался из «Мерседеса» и, преодолев три серых каменных ступени, скрылся за дверьми небольшого двухэтажного здания из красного кирпича.

Шумно выдохнув, водитель уронил голову на руль, но тут же подпрыгнул от внезапно завывшего клаксона. Проклиная свою беспечность, подсказавшую ему заняться извозом людей, Дениэл выбрался из салона темной кожи под тугие потоки мартовского воздуха, смешанного с водяной изморосью, освежавшей лицо. Мокрыми оказались не только ладони, но и спина, охлаждаемая теперь пронизывающим ветром. Что ж, свежесть бодрила и успокаивала ум, а это именно то, чего ему всегда не хватало.

Самоконтроль и стальные нервы не являлись частью его вселенной, хотя с возрастом Дениэл стал заметно спокойней. Мать его лучшего друга — Марта Фишер — частенько учила его разным способам успокоения, в том числе и не очень приглядным, но в целом вполне экологичным и безопасным.

— Когда-нибудь твоя несдержанность, Дениэл, выйдет тебе боком! — Сетовала женщина каждый раз, когда тот приходил со сбитыми костяшками пальцев о стены домов.

Пока что все оставались живы, но горячих моментов было в его жизни предостаточно. Похоже, миссис Фишер права: пришло время расти, и работа в «Траст Инкорпорейтед» обещала быть приятным или не очень, но действенным катализатором к этому, если его не уволят после окончания испытательного срока. Или до.

12

По ощущениям времени, они ехали в офис через Сакраменто. Хорошо, что утренних встреч не предвиделось, иначе они бы не успели ни на одну из них. Оливер старался не давить на парня, просто приняв решение в следующий раз брать с собой в дорогу книгу потолще и выезжать заблаговременно. Вообще, стоило отдать должное его смелости, ведь водитель сразу озвучил, что он не водитель вовсе. И если бы не Алекса, то и водителем ему не стать, по крайней мере, у него, что — теперь Оливер понимал это наверняка — являлось бы большой удачей для его несостоявшихся пассажиров. Но, благодаря стечению каких-то до смешного нелепых обстоятельств, верзила крутил теперь баранку в машине его мечты и вез на заднем сидении его самого. Конечно же, от первого дня работы он и не ожидал чудес, да и уволить мог шофера в любой момент испытательного срока, даже если тот не накосячит ни в чем. Но почему-то глава корпорации ощущал твердую уверенность в том, что теперь им с этим парнем по пути. С чего бы вдруг?

Наконец, за окном проплыл бейсбольный стадион, и «Мерседес», спустя вечность моргания поворотником, повернул налево, бесконечно пропуская поток машин. К тому времени начальник изучил наполнение своего дипломата трижды, провел в нем вечно откладывающуюся на «потом» ревизию, заполнил анкету на получение клубной карты в местный гольф-клуб, в который он не собирался, а так же прочитал два рекламных проспекта на поставку бетонных смесей и арматуры, не требующихся его фирме в данное время.

Мобильный молчал. Странное событие для утра понедельника, потому что звонки обычно начинались еще на кухне поместья, а уж в дороге-то одна Лиз могла позвонить с десятков раз. Но не сегодня.

Автомобиль встал у выхода из здания, выпуская пассажира. Выйти из машины перепуганный водитель отказался, и Оливер счел верным предоставить ему полчаса одиночества для успокоения нервов. Он покинул транспорт и, наслаждаясь движением и свободой, легко подскочил по ступенькам к офису.

— Доброе утро, мистер Траст! — Пропела голубоглазая Элис, поправляя очки в широкой смоляной оправе на носу. — Вы сегодня...

— К обеду! — Рассмеялся начальник. — Как тут у вас дела?

Он обожал свою контору. Некогда, тринадцать лет назад, «Траст Инкорпорейтед» состояла из него самого, нервной супруги в роли личного помощника и кареглазого младенца на руках. Эти трое смельчаков имели за душой телефоны четырех крупных поставщиков строительных материалов, которые Оливер позаимствовал со своего предыдущего места работы, и дьявольскую дерзость заявить о себе. Нет, на самом деле, еще был отец с его финансовой подушкой, который подстелил немного соломки под тощий зад дерзкого юнца, но в целом, помимо упорства, у них не было ничего.

И вот теперь Оливер ощущал себя хозяином своей вселенной. Ежедневно приезжая в офис, он радовался каждому человеку в нем, видел стремления людей, свет в их глазах. И полностью отдавался некой чуйке, которая подсказывала ему выбирать в сотрудники лишь надежных людей.

Из-за дверцы шкафа со строительными проектами выглянула темноволосая голова одной из таковых. Лиз Харви — девчушка в алом платье, с несносным характером и милейшей мордочкой — встретила начальника ослепительной белозубой улыбкой.

— Вы живы! — Просияла она. — Я даже звонить Вам боялась, чтобы не спугнуть удачу.

— Самому не верится, — согласился Оливер, хохотнув.

— Зачем же вы взяли такого красавца? — Ехидно усмехнулась Лиз.

Она поволокла к стойке пачку талмудов и чертежей, явно переоценив свои силы, и от неизбежного падения документов ее спасли вовремя подхватившие ношу руки начальника. Мистер Траст поймал часть бумаг и уперся внимательным многозначительным взглядом в светлые золотистые глаза своей личной помощницы.

— Люблю обучать новичков, Лиз, — произнес шеф серьезно.

Та не выдержала взгляда и смущенно склонила голову к общей ноше, вспоминая свой испытательный срок. Как же быстро она забыла, насколько щедр на шансы ее начальник! Изучая сегодня договор на этого странного шофера, который она забрала утром у мистера Джексона, Лиз невольно вспоминала свое не очень приятное детство. Так что она очень погорячилась, задавая дурацкие вопросы мистеру Трасту, потому что совсем недавно таким же красавцем была она сама.

— Как он? — Поинтересовалась Элис, протягивая на стойку договор найма.

— Хороший, — произнес Оливер уклончиво. — Но по встречам пока ездить рановато. Есть, куда прокатиться, Лиз?

Притихшая мисс Харви уставилась в таблицу, но начальник, не дожидаясь ответа, уже подошел к ней и встал рядом, изучая свое расписание. Наконец, он выбрал пару мест с неопределенным сроком годности.

— Пожалуй, сюда, — ткнул он пальцем на поездку в «Дэвис Групп». — Пакет готов?

— Вы его только что поймали, — буркнула девушка, указав на пачку. — Но я его планировала на четверг, если честно.

— У меня за рулем форс-мажор, Лиз, — потер лоб Оливер. — Мне бы его отправить одного, чтобы парень освоился и выдал полный шквал эмоций, потому что при мне он очень скован.

— Пусть съездит за канцелярией, а то там доставка аж на пятницу, — попросила Элис, собрав две пары одобрительных глаз на своих очках.

— Гениально! — Воскликнул шеф. — Пойди, сообщи ему. Только не забудь взять у него автограф на листы договора.

Светловолосая пухленькая Элис накинула на кремовую рубашку в рюшах объемное бурое пальтишко и вышла на мартовский воздух, прихватив с собой огромный зонт.

— Он тебе понравится, — бросил шеф своей личной помощнице, когда за секретарем закрылась прозрачная дверь.

— Не сомневаюсь, — хитро ухмыльнулась та и снова скрылась в шкафу с проектами.

В его офисе частенько завязывались романы, обычное дело для крупной корпорации, ничего против Оливер не имел. Какая разница, чем занимаются люди в свободное от работы время, если это не сказывается на результатах той самой работы? Усмехнувшись лукавой лилице в красном платье, шеф скрылся в проеме своего кабинета, дверь в который никогда не закрывалась.

— Лиз, принесите мне чай, пожалуйста, — крикнул он.

В этом открытом всему миру состоянии Оливер ощущал себя очень комфортно и приветливо, словно каждый день ждал вестника судьбы к себе в комнату. Хотелось бы ему расширить дверной проем, чтобы видеть мир в полную силу, а еще лучше — снести стену. Но арендодатель не обрадовался бы такому отношению к несущим конструкциям, поэтому пока приходилось довольствоваться распахнутой настезью дверью.

Оливер развалился в своем кресле, идентичном домашнему, только насыщенного терракотового цвета, и прислушался к жизни офиса. Спустя пару минут вернулась Элис, скрипнув дверью, и открыла шкаф, вероятно, чтобы убрать пальто.

— Симпатичный? — Поинтересовалась Лиз у вернувшейся подруги.

— Не мое, — протянула секретарь. — Как топором вытесан. Но тебе такие по душе.

Мисс Харви рассмеялась тем самым беззастенчивым смехом, который радовал Оливера все годы совместного с бестией труда. Она тонко и невесомо напоминала ему Алексу, которая могла бы стать такой же смелой и общительной, когда вырастет, но не станет в силу своей сдержанности и скромности. Иногда, сравнивая девушек, ему казалось, что дочь чего-то недополучает в особняке, и этого точно не купить их весьма вместительным кошельком, но, с другой стороны, Лиз очутилась в недрах своего характера неслучайно, и гладким ее путь мог назвать только безумец.

— Мистер Траст попросил чай, — сообщила отсмеявшаяся Лиз своей компаньонке, шурша бумагами все оттуда же, из шкафа.

Оливер знал, что секретариат называет его за глаза «наш Оли», чего не позволяла себе даже его жена, находя это слишком неуважительным и фамильярным. Пару раз он слышал, как девушки шепчутся возле стойки ресепшн, но тут же давал о себе знать чуть более громким звуком, чтобы те понимали о неконфиденциальности своей беседы. Шеф не сердился на такое звание, от него веяло чем-то домашним, отеческим, с легким налетом предводителя, покровителя и опекуна, но в дружественном формате. Сейчас же подруги, судя по всему, догадывались, что они на слуху, от этого и официальный тон.

Элис взяла электрический чайник и прошла мимо его открытой двери, направляясь за водой к кулеру. Тот забулькал, впуская пузыри воздуха в бутылку, и отпустил блондинку обратно, поделившись с ней водой. Спустя пару минут чайник мерно зашумел, а посудный шкаф зазвенел фарфоровыми колокольчиками. Вскоре по офису разольется терпкий бодрящий аромат бергамота, и добрая Элис принесет ему поднос с белым круглым чайником и одиноким чашкой, заботливо подсластив натюрморт сахарницей. Так оно вскоре и произошло, только на подносе, кроме ожидаемой атрибутики, покоилась маленькая упаковка печенья с кусочками шоколада.

— Спасибо, Элис, я сегодня как раз завершил диету, — пошутил начальник, нетерпеливо вскрывая шуршащую упаковку. — Самое время объесться сладким!

Секретарь наградила его заботливой улыбкой и вышла к товарке. Через несколько секунд девушки захихикали. Нет, с этим определено что-то нужно было делать!

— Лиз, зайди ко мне!

Смех стих. Возможно, его тон имел очень резкий оттенок, но сейчас главным было не это.

— Да, мистер Траст, — встало в дверях шикарное красное платье с рельефными швами, подогнанными четко по идеальной девичьей фигуре.

— Закрой дверь и присядь, — кивнул начальник на стул рядом, сверля помощника внимательным взглядом.

Та испуганно зыркнула на секретаря и прикрыла дверь за своей спиной, оставив Элис одну. Блондинка оценила свой внешний вид в зеркало и нашла его не менее настороженным, чем у ее подруги, только что ушедшей к «их Оли», который всегда скрывался под пеленой невозмутимости, оставаясь при этом властным и требующим уважения. Ни разу за ее два года работы на фирме мистер Траст не терял лицо, хотя ситуации были разные, даже с драками у стойки ресепшн. Что они натворили на этот раз, блондинка не знала, но оттенок эмоций говорил о том, что их смешки без внимания не остались.

Спустя полчаса, которые показались девушке полным рабочим днем без обеда и перерывов, вышла сияющая мисс Харви, хитро закусывающая пухлую нижнюю губку в красной помаде. Все обошлось, а значит она, Элис, через пару минут узнает страшную тайну, заставившую Оли так грозно прервать их смех.

Оливер проводил взглядом помощницу до дверей и, зависнув на расписании, принялся двигать встречи так, чтобы не навредить ни себе, ни корпорации, ни новому водителю. Владелец фирмы в который раз вспоминал добрым понимающим словом супругу, которая брала на работу исключительно опытных сотрудников, потому что он принимал по стечению обстоя-

ятельств исключительно младенцев экономического мира. И, казалось бы, уж водителя-то можно было найти хотя бы с собственным авто в наличии, но нет. Простой путь — явно не его.

— Хоть такси заказывай, как обычно, — усмехнулся начальник.

Тяжело вздохнув, он принялся отдалять неизбежные встречи на пятницу. И желательно, на последнюю пятницу сентября.

13

Светловолосая фея в очках окутала его какой-то мягкой, почти материнской, заботой, хотя всего лишь вынесла договор на подпись. Она очень удивилась, что Дениэл отказался читать юридическую кипу из двенадцати листов, без вопросов подписав каждый из них. Столько подписей он не ставил за всю свою жизнь в целом, сколько сегодня, разместившись на капоте дорогого авто. Голубоглазая девушка, представившаяся Элис Вейн, назвала себя секретарем корпорации. Она вынесла розовую бумажку на клейкой основе и прилепила на первый лист договора.

— Твоя первая поездка, — улыбнулась она. — Нужно забрать коробку и подписать документы. Доверенность в файле.

Путь в одиночестве показался ему тем самым благим совпадением, которое нужно было его воспаленному мозгу. Дениэл ответил улыбкой и принял задание, проводив взглядом полненькую девушку в ладном коричневом пальтишке до дверей здания.

— Что ж, приступим, — пробасил он.

Сейчас утренняя поездка вспоминалась ему, словно дурной сон. Как они вообще доехал до здания корпорации, молодой человек не мог взять в толк. Вероятно, ангелы донесли его до места, не разбив по дороге. Он снял автомобиль с ручного тормоза и направил по проезжей части, строго соблюдая правила дорожного движения.

Спустя пару часов машина стояла на том же месте, где Элис вручила водителю договор. Все, как обычно — мокрые ладони, влажная спина и грязное белье. Дениэл взял груз в трясущиеся руки и понес в офис.

Звонок, дверь, приемная.

Он стоял в большом светлом помещении, обставленном по периметру шкафами и тумбами с офисной техникой. Слева длинной змеей изогнулась секретарская стойка цвета платинового дуба, скрывая его новую знакомую так, что из-за нее торчала лишь макушка девушки, что-то пишущей за столом.

— Прекрасно! — Восхитилась она, лишь только завидела шофера в дверном проеме с коробкой в руках. — Ставь сюда.

Блондинка указала на пустую тумбу и, взяв канцелярский нож, принялась полосовать им бурый скотч. Тишина в офисе настораживала. Под потолком мерно жужжали лампы дневного освещения, а в остальном ее хватало ровно настолько, чтобы слышать звук работающих вентиляторов в системных блоках компьютеров.

— А где все? — Спросил Дениэл, отряхивая с пиджака мелкие капли дождя.

Но тут он понял, что под словом «все» он имел в виду начальника, потому что об остальных жителей «домика» он не знал ровным счетом ничего.

— Уехали на встречу, — смущенно скривилась Элис, словно выдала большую тайну. — Хочешь, я налью тебе чай?

Час назад большое желтое такси увезло генерального директора с его личным помощником на переговоры в Окленд. Мистер Траст взял с собой проектор, а значит назад их можно ждать только к позднему обеду. Сейчас секретарь смерила взглядом верзилу, растерявшегося от принятой дозы информации и напоминавшего обиженного ребенка, и снова приветливо улыбнулась. Он начинал ей нравиться, но вовсе не как мужчина — здесь ей вполне хватало внимания супруга — а, скорее, как ее сын. Ее родному сынишке Джереми было как раз четыре года, и новый шофер с грустными бровками домиком напоминал его своей потешной мимикой.

— Хочу, — обреченно вздохнул молодой человек и доверился той, что имела больший опыт работы в светлом офисе.

Вскоре перед его носом возник желтый с бурыми полосками бумажный стакан с замоченным в кипятке из кулера пакетом «Липтона». Сахар был добавлен по умолчанию. Дениэл его не употреблял, но предпочел не спорить, к тому же тот совсем не портил вкуса напитка. Поблагодарив Элис, он с удовольствием грелся в заботе, отпивая чай по глотку из картонной емкости. И от этого становился и сам более теплым и расслабленным.

— Канцелярия? — Озвучил шофер, заглянув в коробку, к которой вернулась девушка, едва освободила руки от чая. — Чем еще занимается фирма?

Элис отвлеклась от коробки и смерила его взглядом, каким награждают неизлечимых пациентов психиатрической клиники, но, не заметив подвоха в наивном взгляде бугая, поспешила уточнить, дабы не показаться невежливой.

— «Траст Инкорпорейтед» занимается строительными проектами. В нашем арсенале более полутора сотен зданий технического и экономического назначения. В попечительстве у корпорации имеется крупная фирма, занимающаяся строительством по новейшим технологиям и способам обработки поверхностей. Кроме того, торговые представительства занимаются поставкой материалов и сырья, а обширный отдел снабжения может смело соревноваться... — Элис замолчала и смущенно улыбнулась, после чего продолжила: — Я рекламирую фирму, да?

— Есть такое, — рассмеялся Дениэл. — Но делаешь ты это прекрасно! Если мне понадобится построить здание технического назначения, я теперь знаю, куда мне обратиться.

Звонкий смех блондинки прервала трель офисного телефона, и водитель, махнув рукой на прощание, сбежал обратно в серый дождливый мир.

Размах конторы поражал больше, чем величие особняка, вколачивая молодого человека по самые уши в болото никчемности и мизерного веса в жизни. Как он вообще оказался в этом параллельном мире, не имеющем ничего общего с реальностью? Хоть поездка в одиночестве и придала ему немного уверенности в себе, но и этого оказалось ничтожно мало, чтобы не робеть от кошачьего взгляда хрустальных глаз «Мерседеса» Эс-класса, стоявшего теперь в ожидании его, Дениэла. Молодой человек сжал в руках ключи от «мустанга», наслаждаясь шелковистостью дорогого пластика, и, глубоко вздохнув, загрузился в салон автомобиля.

За неимением иных развлечений, водитель отправился серфить интернет на важности и глупости. Последних оказалось гораздо больше, чем первых. На каждой странице, открываемой смартфоном, красовалась очередная история из жизни не совсем вменяемых людей. Кто-то нырял с камнем на шею, кому-то довелось пробить баллон с кислородом отверткой, иные выпрыгивали из автомобиля на ходу, а один сумасшедший в «Живом Журнале» даже пытался инсценировать собственную гибель, чтобы не платить налоги. Боже, зачем он это все читал?

Задняя дверь отворилась, выдернув его с просторов сети резким звуком.

— Домой! — Воскликнул мистер Траст, лучезарно улыбаясь в зеркало заднего вида. — Заскучал здесь?

— Я немного общался с Элис, — признался Дениэл, ответив на добрую улыбку начальника.

— Это прекрасно! — Кивнул тот, приветствуя коммуникабельность сотрудника. — Вот только мы с Лиз невольно ждем страшной новости об очередном переводе ее мужа в другой штат, он у нее военный, уже дважды отменяли переезд. Безмерно жаль будет терять секретаря, но она и так посвятила нам много времени.

— Хорошо, что пока она здесь, — ухмыльнулся водитель и поспешил уточнить, поймав удивленный взгляд шефа: — Элис очень добрая и заботливая.

Оставалось только догадываться, что произошло после того, как они с Лиз сбежали от горе-водителя на встречу, но его пронизательность не вязались с массивной щетинистой челюстью мужчины. Усмехнувшись, Оливер вернулся к своему кейсу. Похоже, его простой с виду работник внутри совсем не так прост. Если он чувствует людей хотя бы в десятую долю того,

как ощущала их его дочь, то сотрудничество с водителем могло оказаться весьма интересным и взаимовыгодным И странным, потому что потребует от начальника недюжинного самообладания, либо отваги для шага стать, наконец, искренним и живым, по крайней мере, с ним, с Дениэлом.

14

Прокатавшись сегодня в «Фонд» зря, Мелани погрязла в стадии недовольства собой и окружающими. Погода за окном не прибавляла позитива, забрасывая окна помещений косыми полосами воды. Хозяйка поместья промокла и замерзла, ей теперь казалось неудовлетворительным абсолютно все: от секретаря конторы до его директора, так опростоволосившегося на встрече с оформителями зала. Казалось бы, сама цифра ноль ничего не значит, если она не стоит лишней в конце трехзначного числа со знаком доллара на конце.

— Простите, это моя ошибка, — промямлила миссис Траст, бегло сворачивая дизайнерский план. — У нас благотворительная организация, мы не можем себе позволить расходы на такую сумму.

— Вы собираете ежегодно сумму гораздо большую! — Недовольно воскликнула невысокая коротко стриженная брюнетка со строгим взглядом и резкими жестами. — Или «Фонд Траст» настолько нищ, что считает сущие копейки?

Мелани поначалу растерялась от столь агрессивного поведения гостьи, но потом, когда та убралась восвояси, открыла переписку с наглой особой и поняла, что ошиблась не она. Эта мерзкая дама приписала ноль по пути к «Фонду», надеясь вытрясти из беспечных богачей кругленькую сумму. Разрываясь от негодования, миссис Траст написала письмо главе оформителей, стараясь употреблять только нормативную лексику. Ответ пришел незамедлительно с извинениями и обещанием принять меры, но день загублен, а время потрачено. Как и энергия. Ощущая себя опустошенной до донышка, Мелани простилась с Молли, попросив назначить встречу на неделю, и отправилась зализывать раны домой.

И вот теперь, стоя в спальне, она ненавидела эти занавески. Хоть что-то, что можно ненавидеть обоснованно! Эти убогие лавандовые портьеры не вписывались в общее роскошно-синее убранство комнаты. С рыком дикого зверя хозяйка поместья сорвала сущий кошмар с окна и метнула кучу тряпья в угол.

С абсолютно ровной спиной женщина присела на край кровати и принялась глубоко дышать, смешно выпуская воздух через свернутые в трубочку губы. Спустя пару десятков вдохов, она, наконец, успокоилась.

С этим Балом сплошные проблемы в этом году! У директора создавалось ощущение, что сама судьба не пускает ее туда, слишком уж много безрезультативных телодвижений.

— Ну уж нет! — Воскликнула Мелани.

Этот Бал не с той решил сразиться, не на ту напали! Она разъяренной львицей вылетела из спальни в рабочую комнату, откуда произвела партию эмоциональных звонков, после чего сообщила секретарю о смене планов и приоритетов.

— У вас ничего не выйдет! — Выплюнула она в тишину зеленой комнаты, обращаясь к потенциальным обидчикам, когда завибрировал мобильный телефон на столе. — Алло!

— Эй, полегче! — Воскликнул Оливер, и она поняла, что рывкнула в трубку, забыв смягчить тон. — Тяжелый день?

— Кошмарный, — выдохнула обессиленная супруга. — Готова к ужину на стороне.

— Согласен. Мы подъедем через... — И муж замолчал, соображая. — Скоро. Собирайся.

— Я попрошу Альфреда увезти нас, — совершенно неожиданно для себя приняла решение Мелани. — Так что поднимайся в спальню, я сориентирую его на шесть.

Спорить Оливер не стал, но удивился тону жены. Мелани, будучи женщиной до костного мозга, очень сильно зависела от эмоций и событий, на которые никак не могла повлиять. В первые годы формирования «Фонда» он пытался спасти ее от стресса, как это сделал с Полонски буквально недавно, но вскоре понял, что именно эмоции делают ее живой. И перестал седлать коня всякий раз, как супруга прилетала домой на метле после сложного дня. А вместо этого

он просто предоставлял ей надежные объятия, вкусную еду из любимого ресторана, мягкий спокойный тембр голоса и, в исключительных случаях, горячую ванну. Этого вполне хватало, чтобы продержаться до конца марта, когда и была кульминация невроза в виде Ежегодного Благотворительного Бала. Этот год не отличался чудесами: все те же нервы, попытки держать под контролем весь Сан-Франциско и та же любимая женщина, вдохновляющая его на подвиги не первый десяток лет.

— Спасибо, Дениэл! — Произнес Оливер, когда «Мерседес» завернул под навес балкона.
— Завтра в восемь.

Он надеялся, что завтра полуторачасового запаса им хватит на дорогу, с учетом того, что маршрут уже проторен. Владелец дома выбрался из автомобиля в мокрую реальность и хлопнул дверью дорогого авто.

Нужно будет придумать ей что-то приятное по окончании подготовки, чтобы провести Бал на душевном подъеме. Он не сомневался в своей женщине ни на минуту: Мелани всегда находила оптимальный путь помощи миру стать лучше, но порой она забывала о самой себе.

— Можно я не буду переодеваться? — Вместо приветствия спросил он у пустой комнаты, но, получив жесткое «нет» из гардеробной, направился туда, где шуршала одеждой его супруга.

— Оливер! — Взвизгнула она, и шорох стих. — Ох, Альфред будет ждать...

Окончание фразы съел нежный поцелуй хозяина поместья, так вовремя пришедшего на помощь Мелани, чтобы спасти ее от самой себя.

За пять минут до назначенного времени чета Траст уже сидела на заднем сидении черного «Ленд Крузера». Тот самый случай, когда и начальник, и подчиненный предпочитали выходить заранее оговоренных часов, чтобы исключить ожидание. Оливер точно знал, куда они направлялись. Неприлично гигантский ресторан на северо-востоке Сан-Франциско, расположившийся как раз недалеко от темно-лазурного здания «Фонда», с неприлично дорогими расценками даже на воду. Но Мелани любила красоту и роскошь, которых была лишена в детстве, поэтому «Гай Юлий Цезарь» изредка баловал ее своими бордовыми стенами, протягивая позолоченную вилку для поедания обычных макарон.

Окинув взглядом супругу, мистер Траст заметил румянец на ее щеках, который тщетно пытался скрыть вечерний макияж. Легкое смущение еще больше красило ее, напоминая о долгом совместном выборе наряда в гардеробной. Он притянул к себе женщину и поцеловал в висок.

— Как ты? — Пробасил он ей на ухо.

— Сейчас чуть лучше, но в целом — ужасно, — призналась Мелани, тяжело вздохнув.
— Просто какой-то нескончаемый поток ошибок, нестыковок и провалов. Я меняю тему Благотворительного Бала, Оливер. И спонсоров, соответственно.

Он отстранился от жены, изумленно вытаращив на нее глаза. До Ежегодного Весеннего Бала оставалось менее двух недель, организация завершилась пару дней назад, пусть и не совсем так, как хотелось бы для того, чтобы считать ее положительной. Но узрев в глазах жены непоколебимую сталь, он смирился с ее упрямством и сдался.

— Я готов помочь, если нужно, — с готовностью произнес супруг, представив объем предстоящих работ и количество ее бессонных ночей.

Теперь настал ее черед удивляться. Хоть Оливер и стоял за спиной хозяйки поместья непреступной стеной во всех начинаниях, Мелани готовилась к шквалу неодобрения, потому что вопрос, идущий под замену, был нешуточным. Но мужчина оставался непоколебимым в своем решении по поддержке.

— Спасибо, я ценю, — смиренно произнесла она. — А у тебя как дела на фирме?

— Я меняю офис, — обыденно сообщил Оливер.

— В каком смысле? — Не поняла жена. — Персонал?

— Нет, Мел, — усмехнулся он. — Я поручил Лиз найти нам здание под корпорацию. Надоела эта разрозненность, поездки из одного офиса в другой, бесконечные арендные платежи. И еще мне надоел мой кабинет.

— А с этим что не так? — Изумилась Мелани, но тут же осознала глобальность решения. — Боже, Оливер, это же полгорода! Куда ты их всех рассадить? Вам понадобится целый деловой квартал для этого!

— Лиз найдет, я в нее верю, — задумчиво протянул тот, глядя в окно.

Сизые пасмурные сумерки разливались по улицам города вместе с бесконечным дождем, весь день льющим из дырявого неба. Светлые пятна фонарей мелькали с до противного мерной периодичностью, укачивая пассажиров на заднем сидении. Только сейчас мистер Траст сообразил, что ужасно устал от суеты и решения вопросов. Он попытался вспомнить, когда в последний раз они с супругой вместе отдыхали где-то за пределами Сан-Франциско, и, к сожалению, не смог. Странная штука — своя фирма. Ты открываешь ее в надежде получить больше времени на личные нужды, но в итоге получаешь еще больше вопросов к решению, еще больше этих самых нужд, которые неизбежно становятся твоими личными.

Вдалеке показалась ковровая дорожка ресторана неизменного винного цвета с неизменным навесом в тон над ней. Совсем скоро они зайдут в теплое уютное помещение с высокими потолками и закажут себе некую странность в тарелке с вычурным итальянским названием, а после, отдав за это стоимость нового смартфона, поедут по черничной синеве улиц назад в поместье, ставшее их крепостью.

Но на этот раз цикличность жизни, обычно закручивающая их в водоворот повседневных дел, недобро предвещала крутой вираж, предчувствие которого ни один из четы Траст не смог бы объяснить, спроси его. Но каждый ощущал на кончиках пальцев, что грядут глобальные изменения, которые раз и навсегда отучат их принимать привычное, как само собой разумеющееся.

15

Стук в дверь вернул ее к реальности. Отложив паяльник, Алекса рванула было к выходу, но в последний момент вернулась и выдернула инструмент из розетки. Повторный стук говорил о нетерпении мамы, никого другого за дверью быть не могло.

— Милая, ты там? — Раздался голос родительницы из-за двери.

Та рывком распахнулась, и встрепанная девочка предстала взору гостьи комнаты. Женщина оторопела от взбалмошного неопрятного вида малышки, но больше всего поражал ее дикий азартный взгляд, словно ту оторвали от ставки в казино.

— Алекса, что на тебе надето? И когда ты последний раз расчесывалась? — Воскликнула Мелани, но, дернув носом, поразилась еще больше. — Что за кошмарный запах?

— Это канифоль, мам, — выдохнула неряха.

Она хотела продолжить оправдания, но мать уже зашла в комнату, хотя дальше порога продвинуться не смогла, потому что пространство пола сплошь покрылось микросхемами, проводами и металлическими деталями, а там, где технического барахла не наблюдалось, растянлись во всю длину чертежи и зарисовки каких-то немыслимых механизмов. Девочка смущенно развела руками, растеряв азарт.

— Я думала, что ты будешь заниматься дипломным проектом! — Всплеснула руками хозяйка поместья. — Впрочем... Послушай, идем со мной!

Женщина не стала дожидаться речей, она юркнула в приоткрытую дверь, мелькнув подолом платья с принтом из крупных ирисов, и пулей вылетела в коридор. Алекса вышла за ней, закусив губу. Она не раз получала нагоняй за невообразимый бардак в комнате или грязные руки, но тяга к технике вынудили родителей смириться с выбором девочки физико-механического факультета. И сейчас она ждала очередного взрыва эмоций родительницы и последующую лекцию на тему опрятности и женственности. Или хотя бы неодобрительного цоканья языком. Но никак не того, что выдала строгая мама.

Платье в ирисах прошуршало в соседнюю комнату между механической берлогой и спальней родителей. Девочка понуро поплелась следом, словно на расстрел.

— Вот! — Взмахнула руками мать, оглядывая комнату для гостей, никогда не заполнявшуюся даже мебелью. — Хватит тебе места?

— Серьезно? — Ошалела Алекса. — У меня что... Теперь есть свой рабочий кабинет?

Она едва не заикалась от изумления и восторга, но мать пресекла ее счастье строгим взглядом, пригрозив пальцем для пущей важности:

— Нет, дорогая, это комната для гостей. Не знаю, чем ты там занимаешься — надеюсь, что дом ты не спалишь — но спать нужно в обычной спальне. Пока тебе нужна эта... Канифоль! — Выделила она слово, прозвучавшее из ее уст грязным ругательством. — ...с такой отвратительной вонью, ты можешь пользоваться этой комнатой. Но временно!

Последние слова растаяли в объятиях дочери, предположительно где-то между ее густыми каштановыми волосами и нежной шеей, покрытой тонкой бархатистой кожей.

— Спасибо, мама! — Оглушила она Мелани не только воплем, но и потоком позитивной энергии, выстрелив в ее сердце лучом любви, сопротивляться которому было невозможно. — Это то, что нужно!

— Расскажешь, чем ты занимаешься? — Смягчилась хозяйка поместья, оттаяв. — Я тебя последний раз видела в воскресенье днем, помнишь?

— Неужели ты соскучилась по мне за сутки? — Рассмеялась девочка, но тут же захлебнулась в эмоциях. — Обязательно расскажу! Мне прислали предложение на тендер в музей, у меня просто миллион идей по этому поводу! Я сейчас спаиваю около сотни схем, синхронизируя...

— Сегодня среда, Алекса, — не дала той закончить мать. — Среда.

Та изумленно выдохнула, но пробежав взглядом по лицу матери, оценивая степень гнева, сочла ситуацию относительно безопасной. Итак, она трое суток просидела в комнате, смутно вспоминая, чем питалась и как спала. И тут в нос ударил запах гари и кислоты, прилипший к ее одежде и рукам. Очень скоро дочь сообразила, что от нее требовалось в данную минуту и не стала играть с огнем.

— Полагаю, мне нужно принять душ и пообедать, — плавно произнесла девочка, угадывая реакции матери.

— Полагаю, это будет лучшим решением, — согласилась родительница, важно кивнув. — Жду тебя в гостиной через полчаса.

Девушки разбрелись по своим делам, чтобы встретиться в обусловленное время. Легкие шаги дочери послышались на каменной лестнице как раз вовремя: Мелани разливала ароматный овощной суп по тарелкам. Все-таки, Дороти была прекрасным поваром, и женщина не уставала поражаться ее кулинарным изыскам! Золотистый прозрачный бульон с разноцветным светофором картофеля и болгарского перца разливал по кухне такой насыщенный запах орегано и базилика, что невольно наворачивались слюни от аппетитной стряпни.

— Мама, ты не спишь ночами? — Спросила девочка, приглядевшись к уставшим глазам родительницы.

От этой внимательной малышки невозможно скрыть ничего! Владелица проблемного «Фонда» бодрствовала всего одну ночь из предстоящей череды подобных, а дочь уже узрела в этом маленькую катастрофу.

— Я отосплюсь перед Балом, милая, обещаю! — Любовно открестилась она и поставила перед Алексой миску с едой.

— Я могу тебе чем-то помочь? — Забеспокоилась та.

— Сейчас, пожалуй, нет, — отказалась мать и уселась за стол напротив родных карих глаз. — Но я буду иметь в виду, что ты готова бросить... Канифоль! ...и помочь мне с Балом, если понадобится.

Опять она выделила неуютный ей дискомфорт тоном, словно это слово являлось ругательным. Алекса опустила взгляд в тарелку с обедом, готовая все-таки к лекции. Но нет, мама взяла ложку и принялась поглощать провиант, наслаждаясь приятным вкусом.

— Это такая смола для пайки, — буркнула девочка, но тут же предпочла сменить тему. — Как дела у мистера Кроненберга?

По испуганным глазам дочери, словно зеркало перенявшим ее состояние, Мелани поняла, что уставилась на девочку взглядом, не соответствующим штатному вопросу. Она довольно быстро подтянула эмоции и снова вернулась к обеду.

— С ним общается папа, милая, — пропела женщина, как ни в чем не бывало. — Почему ты спрашиваешь?

— Он добрый, — просто ответила Алекса. — Хоть и кажется сначала грубым и сложным.

Получив в ответ неопределенный взгляд и натянутую улыбку матери, девочка принялась за еду. Тонкий насыщенный вкус продуктов не вязался с простотой состава супа. Едва отправив в рот ложку, Алекса просияла лучистой улыбкой и уставилась на мать.

— Как же вкусно! — Воскликнула она. — Мама, ты просто волшебница! И когда ты все успеваешь? Ах, да, ты же ночами не спишь.

Мелани смутилась похвале и предпочла промолчать. Она и сама наслаждалась тем, что выходило из-под рук Дороти Льюис, не понимая порой, откуда у женщины такие способности к кулинарии. Более того, все те рецепты, которые брала у опытной кухарки хозяйка поместья, не имели и малой доли того вкуса, которым напиткивали еду заботливые руки поварихи. Но сейчас признаться девочке в этом Мелани сил не изыскала, тем самым выбрав дальнейший путь во лжи, как обычно.

— Просто сейчас тяжелый период, дорогая, — мягко проговорила мать. — В следующий четверг Бал, мне нужно многое успеть сделать.

— Как Золушка, да? — Засмеялась Алекса, но тут же снова стала серьезной. — Я тоже хочу на Бал.

Она вспомнила свое отражение в зеркале и поняла, что Золушка из нее так себе. В свои неполные пятнадцать лет она была очень худой и угловатой, как мальчишка: половые признаки едва проглядывали. Стиль одежды и длина волос, конечно, обличали в ней девочку, но спутать можно было вполне.

Мелани внимательно глядела на дочь, оценивая возможности исполнения ее просьбы. Еще бы неделю назад ответом ей стало категорическое «нет», но сегодня она не чувствовала такого жесткого отрицания к выходу подростка в свет. Что-то изменилось в голове хозяйки поместья, но она пока не могла понять, что именно. Однако этот переворот мышления поспособствовал словам, которые стали девочке надеждой на желанное приключение.

— Я поговорю с папой на эту тему, милая, — пообещала мама.

16

Дениэл нещадно тормозил. Нет, педали газа и тормоза он не путал, хоть и отвык от управления за много лет отсутствия практики. Пары дней одиночных поездок ему вполне хватило, чтобы вновь ощутить в руках силу, а в мозгах свежесть.

Тормозил он в общении с шефом. Этот неестественно уравновешенный человек, скрывающий свои эмоции под маской спокойствия, будто продолжал эпопею со своими странными вопросами, которую начал еще на собеседовании. Очевидно, начальник не пытался своим поведением вывести работника из зоны комфорта, как молодому человеку тогда показалось. Мистер Траст сам по себе оказался сплошным выведением из любых зон, будь то комфорт, ирония, сосредоточенность или серьезность. Каждый раз его замечания контрастно били в лоб молодому человеку, заставляли сменять образ мысли и настроение, отчего того штормило на волнах собственных эмоций, то поднимая на гребень экзальтации, то спуская в низины сомнений. А в силу того, что последние несколько лет в арсенале общения у Дениэла были люди довольно приземленного, если не сказать примитивного, образа жизни, нестандартные вопросы начисто вышибали его из колеи. Как он вообще выдержал интервью в поместье?

Еще этот пронзительный спокойный взгляд карих глаз шефа: он будто сканировал молодого человека, считывал мысли, словно мог за пару секунд угадать направление потока эмоций водителя, чем ужасно сковывал и смущал.

Зато сбылась его мечта поговорить с этим замечательным человеком подольше. Теперь недостатка в этом не предвиделось в ближайшее время, потому что начальник мучил его допросами ежедневно. Будь осторожен, мечты иногда сбываются!

Сейчас, в очередной раз облажавшись с ответом на вопрос, а после этого не выдержав взгляда начальника, он ждал в машине у небольшого офисного здания и корил себя за крошечную тупость и невозможность держать себя в руках после этого.

— Идиот, — выплюнул молодой человек с чувством, словно от его осознания что-то могло поменяться. — Боже, до чего идиот!

Но от слов ничего не изменилось. Божественная энергия не одарила его голову пронзительным открытием, а разум не наполнился остроумием и уверенностью в себе. Бессильно выдохнув, шофер ощутил полную никчемность и некомпетентность, хоть от его должности и не требовалось открытий на звание лауреата «Нобелевской премии».

— Итак, как бы ты поступил? — Вырвал его из раздумий голос начальника, залезающего обратно в машину.

Вздвигнув от неожиданности, Дениэл вернулся в реальность и оценил лукавый взгляд мистера Траста в зеркало заднего вида. Он уже порядком забыл вопрос, который задал тот перед уходом, считая его закрытым своим провалом. Но нет, судя по азарту в глазах начальника, оставлять его в покое не планировали. Глубоко вздохнув, он начал пытаться ставить себя на место руководителя фирмы, не исполнившей обязательств по договору. Вопрос заключался в том, стоит ли пытаться наладить отношения, если сам виноват. Подробности ситуации, безусловно, озвучивались, но молодой человек не отличался внимательностью, предпочитая следить за дорогой, и теперь плыл в киселе из собственных мыслей, не в силах вспомнить то, что пролетело мимо его ушей. С одной стороны, понесение кары казалось логичным, но Дениэл, не первый раз допрашиваемый, знал, чем все заканчивается.

— Смелей, Дениэл, это ведь не экзамен на сообразительность! — Подначивал его седовласый. — Тебе просто нужно озвучить решение, как бы ты поступил.

— Боюсь, если бы я мог принимать подобные решения, у меня была бы своя фирма, — сдался водитель, опустив взгляд на руль.

— Логично, — усмехнулся мистер Траст, явно забавляясь смущением работника. — Но ты не бойся. Своя фирма — это не то, чего следует бояться.

Расслабленно раскинувшись на заднем сидении автомобиля, он и правда получал удовольствие от растерянности, которую порой вызывал у своих сотрудников дурацкими вопросами. Далеко не многие из них выдерживали и долю того натиска, который он сливал на голову шофера, но тот держался молодцом, даже не краснел от этого. Вот, что значит, стальные нервы! Похоже, этого парня можно смело кидать на глубину к акулам бизнеса, он со своей непробиваемостью быстро обломает им зубы.

— Так как Вы поступили? — Раздался бас молодого человека.

Вот за это он ему и нравился. Оливер просиял ненасытности собеседника, ведь большинству его оппонентов факт того, что их оставили в покое, всегда приходился по душе. Этот же верзила любознательно задавал встречный вопрос, словно учился у начальника стратегии, что очень льстило последнему.

— Я разорвал контракт, — просто ответил Оливер, но, наткнувшись на удивленный взгляд шофера, решил уточнить: — Неустойки оказались менее накладными, чем если бы мы решили выровнять ошибки производства за свой счет.

— Но ведь это не по совести! — Возмутился работник, но тут же осекся.

— За мной две сотни сотрудников и четыре завода, — терпеливо объяснял начальник. — В данной ситуации меня больше интересовали те, за кого я отвечаю, чем те, кто обо мне плохо подумает.

— Простите, я не хотел... — Пробурчал молодой человек под нос.

— Прекрасно, что ты высказываешь свое мнение, Дениэл, — заверил его шеф серьезно.

Температура его тона оказалась противоположной содержанию слов, в очередной раз вызывая в молодом человеке желание пожизненно молчать. Нужно будет потренироваться загадочной улыбке Джоконды перед зеркалом, чтобы использовать ее вместо ответов. «Мерседес» плавно покинул парковку, направляясь к бейсбольному стадиону Сан-Франциско.

— В офис? — Обреченно уточнил водитель очевидное.

— Нет, домой, — улыбнулся шеф, в очередной раз удивив сотрудника.

Часы показывали четверть четвертого, что тяжело вязалось с окончанием рабочего дня. Хотя странности начальства уже выработали в нем привычку, пусть и не очень приятную, ничему не удивляться. И вскоре Дениэл завел транспорт под козырек балкона и остановил возле зеркальной стены.

— Спасибо тебе за увлекательную дорогу, до завтра, — проговорил по привычке мистер Траст и оставил водителя одного.

За хозяином поместья уже закрылась темная стеклянная дверь, а Дениэл все не мог сдвинуться с места. Рядом с этим человеком он ощущал себя несмышленным ребенком, иногда сердящимся на начальника, но чаще — на себя. За что благодарил его начальник каждый вечер, прежде, чем покинуть автомобиль, он не представлял. После пяти глубоких вдохов шофер нашел в себе силы поехать в гараж, хотя более логичным выходом казался побег из особняка в мир, где он будет ощущать себя более комфортно.

Аккуратно припарковав автомобиль, он вышел на воздух, пропитанный мерзким дождем, и, подставив ему небритое лицо, уставился в серое пасмурное небо. Удушливое отчаяние взяло его за горло. Всего третий рабочий день позади, а ощущение, что он подвел, и не единожды, целую страну со всем ее населением. Выругавшись, Дениэл поплелся под тонкими водяными нитями туда, где теперь располагалась его комната.

Дверь по другую сторону коридора от его жилища оказалась открыта настежь. За ней раздавался шорох мягких шагов и тихий напев Фрэнка Синатры, звук которого был едва различим в пустом коридоре. Дениэл отважился заглянуть в помещение, которое до этого никогда не приглашало внутрь, в отличие от сегодняшнего вечера.

Комната, подобная его, но меньше вдвое и в теплых зеленых тонах, заполнялась музыкой из единственного динамика старенького радио, стоявшего на полке возле выхода. Молодой человек, заинтересованный новым пространством, набрался наглости и зашел чуть дальше, чем позволяли рамки приличия, но внезапно столкнулся с владельцем комнатухи. Пушистая седая голова мужчины в глубоком возрасте уставилась на него выцветшими серыми глазами, пустыми и унылыми, но не издавала ни звука ртом с тонкими морщинистыми губами. Старик печально смотрел на пришельца отсутствующим взглядом и не двигался с места.

— Простите, — проговорил растерянно молодой человек, — я подумал что... Меня зовут Дениэл Кентмор, я водитель, живу напротив.

Он протянул руку хозяину комнаты, и тот равнодушно пожал ее своими сухими ветхими ладонями, не проронив ни слова. После чего, оставив гостя на пороге, направился в ванную комнату, расположенную так же, как и в комнате напротив, за стеной от спального места. Удивленный Дениэл соображал, куда ему двигаться дальше. Логичнее всего виделось оставить странного жителя одного и уйти восвояси, но молодой человек продолжал стоять, ожидая то ли финала знакомства, то ли фейерверка в свою честь.

Прошуршав подошвами домашних шлепанцев, старик вернулся назад с чистой тряпкой для стирания пыли и удивился гостю.

— Если что-то понадобится, моя комната там, — растерянно пробурчал Дениэл, указывая пальцем на выход, и поплелся в свою нору.

Но не успел он снять рабочий костюм, как в дверь постучали слабо и неуверенно. У входа скромно топтался тот самый старичок и протягивал ему коробку. Вручив ее с рассеянной улыбкой молодому человеку, пушистая седая шапка скрылась в своей комнате, забрав за ее дверь голос Синатры.

Дениэл так и остался на пороге своей берлоги, разглядывая со всех сторон подарок странного соседа. В картонке оказался строгий полосатый галстук графитового цвета, который очень кстати пришелся ему в тон костюма. Разливаясь благодарностью к деду, молодой человек не мог взять в толк, что же можно подарить ему взамен, но в итоге принял решение навестить миссис Льюис для допроса.

Женщина сутилась на кухне, попеременно помешивая ложками четыре дымящихся плоски на плите. Ее светлое серое платье в маленьких васильках мельтешило от одного ящика со специями к другому, потом к холодильнику, и снова к плите.

— Могу я Вам чем-то помочь? — Поинтересовался он у кухарки.

— Ах, Дениэл! — Тепло улыбнулась ему темноволосаястряпуха. — Присаживайся. Как прошел день?

От Дороти веяло какой-то родительской заботой и любовью. Она светила золотистым ореолом понимания и спокойствия, так недостающих шоферу, отчего он невольно тянулся к ней, нуждаясь в хоть чем-то одобрении и принятии.

— Хорошо, — меланхолично протянул он. — А у Вас?

Женщина отвлеклась от дела и строго окинула взглядом обесточенного молодого мужчину, после чего отвернулась на пару минут к плите. Вскоре перед его понурым носом приземлилась чашка с горячим чаем. Дениэл поблагодарил кухарку, но ее это не удовлетворило.

— Выкладывай, что стряслось! — Потребовала она. — На тебе лица нет.

После не очень лестных высказываний в свой адрес и краткого описания работы, водитель понял, что зря пришел на кухню. Теперь ему было стыдно еще и перед Дороти. Однако та не смутилась и даже не сменилась в лице от его рассказа, но, подумав, решила разложить по полочкам некоторые вещи, касаемо дома, их приютившего.

— Ты зря так к себе относишься, Дениэл, — заверила его хозяйка кухни. — Мистер Траст не стал бы терпеть тебя здесь и часа, будь он не уверен в тебе.

— Я понимаю, — пробасил шофер, зависнув взглядом в чае.

— Нет, не понимаешь, — нажала миссис Льюис. — Он ни за что не стал бы рисковать собой и семьей, принимая на работу то, что ты только что описал. Если ты не уважаешь себя, то будь добр, уважай хотя бы его решение, дорогой!

Преданность нанявшей ее семье, с которой женщина произнесла речь, припечатала его к месту своей силой и безапелляционностью. Никогда он не рассматривал неуверенность в себе как неуважение к людям, для кого был важен, но миссис Льюис своей доброй мягкой рукой прижала его к земле, не оставляя никакого другого выбора, кроме как принять себя и окружающих целиком. Одновременно с этим собралось вылететь из клетки невесомое чувство вины, что он так скоро и постыдно сбежал из родного дома, но Дениэл вовремя поймал сбежавшую птаху и втиснул ее назад к еще двум сотням подобных в тесную клетку подсознания.

17

— Ты рано, — заметила Мелани.

Ввалившись в прозрачные двери, Оливер приблизился к супруге и одарил нежным поцелуем. Частью мозга он ощутил сегодня, что допрос парню, устроенный в шутку, вышел тому боком, и шеф теперь мучился легким сожалением, что позволил себе купиться на габариты работника. Бугай в глубине души оказался очень чутким и уважительным, несмотря на угрожающий вид. Пожалуй, даже хрупкая Лиз Харви будет посильнее этого шести с половиной футового верзилы.

— «Остенс Текнолоджис» не подошла фракция щебня, — выдохнул он, вложив в слова чуть больше отчаяния, чем требовалось, но зато ситуация с водителем больше не давила на него невысказанным грузом.

Он завалился на стул, наблюдая за тем, как соблазнительная фигура расставляет белоснежные тарелки по темной столешнице, и расслабил галстук. В ее обществе все неудачи переживались проще и спокойней.

— Тебя ведь не щебень так потрепал, верно? — Усомнилась супруга, накладывая суп.

— Верно, — сдался он. — Я сегодня снова не рассчитал сил. Похоже, пора заканчивать эти игры.

Мелани прекрасно знала, о чем он. Психологическая мощь, которой природа одарила ее мужа, могла по жесткости и весу посоревноваться с застывшей бетонной смесью, лившейся рекой в «Траст Инкорпорейтед». Эта энергия смогла прижать к стене даже такого железного человека, как Горан Полонски, и играючи оторвать ему голову. Именно эта невероятная сила напугала ее мать, когда пара только начала общаться. Но Оливер не использовал пресс в доме, одного его слова всегда оказывалось достаточно, чтобы быть услышанным.

— Тебе просто нужно научиться ее дозировать, — мягко улыбнулась женщина, стараясь поддержать супруга в нелегком бремени чувства вины. — Кто оказался счастливчиком на этот раз?

— Дениэл, — выдохнул Оливер настолько тяжело, что она первым делом решила продышать стопку злорадных комментариев, мгновенно заполнивших ее голову, но хватило ее не надолго.

— Этот — переживет! — Излишне резко отреагировала Мелани, передернув плечами. — У него сил на шестерых!

Молчание хозяина поместья оказалось сильнее доводов. Жена выдохнула с натянутой улыбкой и предпочла сменить тему разговора на более нейтральную.

— Я отдала Алексе комнату для гостей под новый проект.

— Давно пора торжественно вручить ей эти стены, сколько можно девочке ночевать в холстах и микросхемах? — Поддержал мистер Траст, но, попробовав суп, полностью переключился на вкус. — Восхитительно! А ты не будешь со мной обедать?

— Нет, Оливер, мы недавно ели, — отмахнулась жена и вернулась к делам насущным. — Но ведь это комната для гостей!

— Ты прекрасно знаешь, что в ней никогда не будет жить ни один гость, Мел, — печально пресек он возмущение женщины. — Чем она занимается?

— Она не сказала, — закусил губу та, что не соизволила поинтересоваться. — Но она хочет пойти с нами на Бал. Я, конечно же, против такой авантюры, но обещала поговорить об этом с тобой.

— Поговорила, — устало протянул собеседник.

— Что ж, ты прав, скажу ей, что не получится, — поняла жена его настрой, пожалев, что вообще затеяла этот разговор.

Молчание, разрезаемое мерным бряканьем ложки о тарелку, угнетало своей многозначительностью. Два вопроса, и оба — мимо. Давненько такого не бывало с Мелани, обычно всегда находившей тропинку к успокоению мужа, но не сегодня. Поразмыслив, она, скрепя сердце, решила вернуться назад.

— Как твой новый водитель?

Оливер очень удивился ее интересу к шоферу и даже оторвался от поглощения еды, но, оценив невозмутимый взгляд любимой, который, он знал, дался ей с трудом, решил все-таки поддержать разговор. А заодно, может и узнать что-то новое о жене.

— Пока нормально, руль держит, — усмехнулся он, внимательно наблюдая за женщиной. — Что ты о нем думаешь?

— Не люблю работать с детьми, они слишком заносчивые и необоснованно амбициозные, — вдруг вспыхнула раздражением Мелани, чем удивила мужа столь резким изменением настроения.

— Серьезно? — Приподнял бровь тот. — Я за ним такого не замечал, наоборот бывает скованным и необщительным. Хотя, я сегодня сам его прижал, ты знаешь, как это бывает...

Она знала. А еще Мелани знала, что если муж начал прижимать, значит проникся человеком и проверяет его на возможные реакции, что ей совсем не нравилось. Ведь она очень надеялась, что эра уголовников продлится в их доме ровно на период испытательного срока.

— Он выглядит слишком... — подбирала она слова, — эффектным что-ли? Но, судя по твоей помощнице, тебе такие нравятся.

Мужчина вспомнил первичную ревность Мелани к Лиз два года назад, когда мисс Харви только стала сотрудницей корпорации, но позже женщина отметилась в его офисе как «супруга шефа» и успокоилась, потому что Лиз не претендовала на сердце своего начальника, ей нравились мужчины гораздо моложе. Оливер вообще тогда хотел возмутиться, но, почувствовав настрой жены, предоставил ей полную свободу в этом вопросе, о чем ни разу не пожалел. Она сама придумала себе конкурентку, пусть сама и развенчивает этот миф. Бесполезно воевать с чужими драконами.

— А еще Алекса спрашивала сегодня, как дела у Луи, — резко сменила тему женщина.

— У Кроненберга? — Поперхнулся супом хозяин поместья, но тут же осекся: — Конечно же, у нас нет другого Луи...

Зависнув в омуте оливковых глаз, он, перестав жевать на несколько секунд, поймав между ушей шальную мысль:

— А давай попробуем свозить Алексу на бал, Мел? Возьмем его с собой и посмотрим! Я буду держать руку на пульсе, если что, сразу свернем всю авантюру, обещаю!

— Кого возьмем, Луи? — Не поняла она.

— Дениэла, конечно же! — Выдохнул Оливер, удивившись вопросу.

Мелани вздрогнула от имени, но очень крепко задумалась. Она не знала, от чего больше устала: от безрезультатных попыток познакомить Алексу с миром или от их отсутствия. Теперь женщина поняла, что, позволив себе днем усомниться в решении относительно Бала, она запустила процесс неизбежно положительного исхода этого вопроса для девочки. И странным теперь казалось не присутствие той в «Фонде» в следующий четверг, а факт того, что мать знала ответ еще днем. Иначе и быть не могло.

Наконец, она сдалась и неопределенно помотала головой, позволив мужу думать что, принятие этого нелегкого решения зависело полностью от него.

18

Поправив строгий отутюженный костюм, о чистоте которого заботилась добрая Дороти Льюис, Луи вышел из домика охраны на улицу. Вчерашний дождь утих, освободив место в атмосфере обычной для Сан-Франциско мокрой мартовской мгле, которая просохнет, когда на город нападут привычные для него весенние ветра. Мужчина оценил погоду, не предвещающую сегодня осадков, и направился к датчикам движения в конце сада, которые барахлили третьи сутки. Там, возле раскидистого куста жасмина, он набрал номер Чарли, молодого парня, сидящего с Ллойдом в одной комнатухе за стеной от него, и принялся снова «танцевать». Нет, конечно же, «танец» его не имел ничего общего с классическими па, он заключался в проверке чувствительности инфракрасного улавливателя.

— Есть? — Бросил он в трубку.

— Да, — отозвался Чарли.

Луи сдвинулся на несколько шагов левее. Снова замер, и снова взмахнул руками.

— Есть! — Сообщил помощник.

Повторное действие выдало идентичный результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.